

Никита Левитский

Перед небом под сетью

Перед небом под сетью
пьеса-отвлечение

съеденному своей сестрой

с благодарностью
Сергею Невскому, моему Людоеду
и Вере Кузнецовой, моему Синему волку

сцена i

— Что за мразь? П т и ц а *поднял большой палец и покрутил его перед глазами*: на подушечке блестит чешуйница, серебристая с кровавым пузом. П е с *на него сек и снова перед собой*. П т и ц а *разглядывая чешуйницу*, силящуюся взобраться по пальцу вверх, туда, где ощущает излучение — Как они чувствуют тепло? Ничего пригодного... фуууу!... мерзость. И туда же — ощущают! Тебе не кажется?... их здесь сотни, тысячи! *Смеется*: нет, я не могу *представить* их число! Значит, их форма куда удачнее нашей; проверка выживаемостью, ты со мной? А можем ли мы отделить выживаемость от чувственности?

Сталь до самого горизонта неисчислимость одноцветной материи. Сотни форм жизни, примеряющие один цвет, миллионы частиц в очертаниях слез. Ежели взять вправо спустя пару слайдов, наткнешься на поля мерцающих красных точек: в апогее искривленности поднимаются кровавые всходы, вблизи прозрачные, издали — пугающие, окидывающие паникой даже первых атлетов. Плюс всевозможные виды атак, ужас, страх, бред леса сгущаются, балки опускаются низко, заставляя гнуть спины. Тяжелые, полые каркасы кишат чешуйницами: они валятся как серебристый дождь, мучая коней: несколько таких потоков и можно не дойти до цели. Восприми это с мужественной резиньяцией)

Ты со мной, говорю? Если не можем отделить одно от другого, может статься, вши эти ощущают куда больше и ярче нас? Миллионы лет эволюции, экспозиции, все — чтобы стать подобным такой вот хуйне!

Не оборачиваясь: даже если ощущают, не контролируют... *и, поразмыслив*: даже если ощущают, не отражают. *Пригнулся под навалившейся балкой*, когда из нее посыпались чешуйницы, *тщетно пытаюсь оттолкнуть* — корни уходят глубоко в серную почву. Конь отчаянно заглотал; чешуйницы ручьем потекли ему в рот и животное принялось кусать налившиеся фиалковой кровью губы. Копыта звякнули одно о другое. П т и ц а *внимательно, но безо*

всякого страха, оглядел коня. Издохнет один — сдохнут четверо. И ощущения кончатся. Или нет.

— Эти кончатся, *бормоча*. Конь успокоился и выровнял ход. Еще потерпит. Впереди, уже на расстоянии вытянутой руки, железные ветви без начала и конца, похожие на эмбрионы логарифмов; за ними пространства вибраций и шума. На языке лимонный привкус и ноздри щиплет: *радостно оскалив рты, демонстрируя друг другу пожелтевшие языки*, с каждым разом все более желтые, покрытые густой горчичной пленкой... уши заложило и слышно только бульканье собственного хохота и ток кровообращения. Кони же успокоились

— Я же говорил! Я же говорил! *Радуясь*, хотя что он говорил? Удушье: *не переставая хохотать, раскрыв рты, пуча глаза*, ожидая, пока все это кончится: оно где-то рядом. Однако, хоть это и искомое, поскорее б оно прошло. Но не проходит: смех прошел и застонали. Крупы коней дрожат и брызжут потом. Наконец уши раскрылись. Конец короток и почти ничтожен, но тела покинуло что-то очень твердое и болезненное, чего до самого конца не было. Какое счастье избавиться от этого.

сцена ii

— Даже если они ощущают, они не концентрируют... произнеся, еще прежде открытия глаз, как отголосок сна, как потом юзеры будут повторять отражения. Будут повторять отражения — это мучающе. Особенно в моменты одолевающего безмолвия, когда и не пошевелиться. Мысль без начала и конца, не начинающаяся и не кончающаяся, настоящая, истинная мысль, истина и природа мысли, и всегда одно: *повторять отражения*. Как будто томясь перед тем, как подвергнуться посмертному изнасилованию. От тела не избавишься, снова и снова одно и то же. Что-то невозможное и навязчивое. Что-то по-настоящему виртуальное. *Осквернение*. Это закрадывается в ощущения и придает им горечи. Повторяйте мои отражения, мою невытую жопу! Чувствуете эту горечь в темном озере вашего опыта? Это моя невытая пизда. Выделения.

паф!

паф!

Наконец разомкнув веки. Один в гудящем пространстве. *Контрацептивы* — пронесется в голове. Не начинающаяся и не кончающаяся мысль — змея отражений, она и есть сущность, вирус в бессодержательной программе, одаряющий содержанием, которое никому не нравится, от которого некому отказаться, некому не в большей мере, чем нечему. <...> можно найти источник заразы в личных делах атлетов или их психика не справляется в принципе <...> вне зависимости от репутации и личных качеств? кто отправляется за ощущениями, которыми вы пичкаете наших детей? <пшшшш> синяки вокруг глаз, мастурбация, гомосексуализм, убийства, самоубийства! <...> <пшшш... пшшшш!> никто не отказывается от ощущений <...> контролировать атлетов <...> все атлеты одинаковы, на такое идут только ублюдки! Экран гаснет в памяти, которую заливает сталь. Цвет, что обычно зовут стальным, цвет утробы, преследующей, поглотившей. Существование в мире, о котором другие тайно от самих себя мечтают, в мире райских токов. Картины рая всегда

бесцветны. Цвет — это самое страшное. Старый монах предостерегал: *держите ум бесцветным*. Цвет — сигнатура тела. Цвет — выделения, лимфа, кровь, жидкости. Цвет жидок. Цвет твердого — то, что течет по твердому. Рай жидок: твердые структуры, поддерживающие наш разум, — это не рай, а костыли нашего склизкого мозга. Мышление, рай — это то, что течет по структурам, поверх нервной системы. — контра — аа — ацепт — йивы! — проносится в мозгу снова. Как обезопасить себя, свой рассудок? Бесконечно черпать галлюцинации из бесконечно меняющегося состояния, кто знает, какие таит вирусы? *Оглядываясь по сторонам*: плашмя рядом с барачной койкой, на деревянном полу облезлом старой алой краской. — Где птица?... ааа, — мысленно отмахиваясь рукой — одна кукушка весны не делает. Кто знает... кто знает, какие вирусы... Каждый угол истлевает в темноте за четверть минуты и потом, пульсируя, возвращается на свое место. Сперва мир улыбается мне — *заговорив сам с собой* — а потом скалит зубы, как дикая собака!

Приподнявшись и обхватив лоб ладонями. Задумавшись, в одичании пуча глаза, тараня пальцами волосы. Что если... что если... что если потрясение... — потряс головой — идет не от композиции, а от качества?! ...

Твердое нерастворимое качество. Угол Мании и Травмы — хорошее местечко, но лучше испипеться около памятника менструальному богу, между четвертичным порталом и офисом круглого стола. Собрал там всех этих старушек, облил себя бензином и просто поджег бы. Может, кто-нибудь и понял бы, что такое на самом деле — ощущать.

Искрящейся любви достаиваются только недостойные ее. Где птица? ГДЕ ПТИ-ЦА!!! Обнаружив себя истошно орущим, кипящая волна страха. Ох, ох — *заерзав растопыренными пятернями по доскам*, пытаюсь найти пол под собой. Несколько волн сильной дрожи. *Выдохнув и обратив покрасневшее лицо к двери или окну*. Все тело замерло, кроме зрачков, которые медленно расширяясь... Я призрак здесь! — *выкрикнув* — и призрак тает! *Заплакав. Забив растопыренными ладонями по полу ожесточенно* — Палматаэ! Палматаэ! *Выкрикивая* пароль не будучи даже уверенным, есть ли поблизости приемник. Пальцы начали и кровь начала брызгать при ударах ладоней об пол. Пространство, вопя, стало складываться, *тяжело задыхался, остановившись*

Ночь.

Обходя комнату, подняв согнутые в локтях руки, пока не наткнешься на шнурок: дернув его и комната освещается. Значит никакого приемника не было. Рассчитывать не приходится. Анализ данных невозможен, режим: только запись. Итак, по инструкции — припомни, мой друг, первое правило... *Сделав вид, будто задумался, припоминая, — чем*

больше вещи меняются, тем больше они меняются. *Смахнув пот с лица и продолжив* — припомни, мой друг, и второе правило. Глубокий вдох — чем больше вещи меняются, тем больше они остаются сами собой,

так как изменения формализуют их интенсивность и утверждают их глубину *оглядываясь теперь спокойно* — ясно. “Посткоитус”. Так не видать хорошего процента. *Оглядывая* пустое помещение, разрезанное тенью тела, брошенной электрическим светом — но где Птица?

Разрезанная брюшина, белеют ребра, но это уже не страх. Вещи меняются. Лучше покинуть дом до рассвета

Сколько осталось? Колеса по комнате, что-то понять. Мысли сбиваются. Что-то взять с собой. Что-то оставить. Выйти в проем. Что здесь? — *шепотом, спотыкаясь* о что-то темное. В небе сплошной поток тихо переливающейся стали. Идет дождь. Сильный запах серы бьет в нос. *Хлюпая сапогами в грязи наутек* подальше от дома мерзости

Тело обвивают провода: они здесь всюду — прерии проводки. Что за рубка? *Ползком*. Провода все гуще с каждым метром, стягивая грудь и то и дело накидываясь на шею. Руками нащупав долгожданный лаз: блаженство в пустоте

Из лаза вода

Выкарабкавшись из лужи посреди дороги. *Встав, подойдя к дому*, мягкое пламя проскользнет через щели, драпируя и лаская черное мокрое дерево

сцена iii

Есть ли разница между большими и малыми? — задумавшись, глядя на таракана, бестолково дергающего усиками, в потоке чешуйниц, закрывших его лапки. Строго зыркнув на тюкающие усики, не удержавшись от комментария — перед смертью не надышишься! Затем, оглядев сотни чешуйниц, плывущих мимо, с каким-то странным удовлетворением растягивая слово: монады...

П т и ц а на периферии пребывания (вереницы проклятых), по-прежнему резиновый, расплываясь в улыбке. Проклятые же заменяют виртуальную радость яростью, и с ними не соотнестись, если предан кодексу. Взволнованная пульсация мысли, вечно одной и той же, заставляет глаза темнеть и делает атлета атлетичным; дело в буквальном следовании кодексу и правилам, только и всего

Периферия пребывания является местом, где вещи чем более они меняются, тем более остаются сами собой. Все, что здесь находится, находилось. В конечном итоге периферию можно назвать попросту потоком: здесь ничего не вырезается, не организовывается, не соединяется, как и не извлекается, не вырисовывается, не создается, однако, прямо сейчас все это можно повернуть, и единственная причина, по которой периферия не выблует беззаконный элемент, вместе со всем занесенным им шлаком, кроется в улыбке, ведь в улыбке стойка периферия подписалась его тленом, а не вскрыла его существование, подобно гнойнику. Так можно до поры до времени играть роль пробки, перекрывающей потоку доступ к власти над самим собой... До поры до времени... Похоже, именно *это* тело занесло сюда несколько десятков тысяч чешуйниц, какое-то количество тараканов, других мелких животных. Может, и вереницы проклятых — дело *этого* восприятия, которое занесло на слишком крутом вираже. *Спускаясь со второго этажа* обратно вниз: хочется пить. *Выглянул за веранду*: вода течет из человеческих тел. Потребность во фрагментах их тел мм несносна — подумав и тут же отбросив эту мысль. Что за нелепица?

Ясно. Таким образом давит на сознание периферия: какие-то живые штуки, штуковины с четырьмя лапами, они шевелятся, что-то вроде цвета, что-то вроде звука. Они вступают в отношения с тем, кто наиболее далек от них, и сейчас от них наиболее далек кто? Именно! — ф р а г м е н т а х и х т е л , ч т о б ы к р и ч а т ь ! — не веря собственным словам, единственная надежда. Десятки вшей крича на волосках тела. Наконец, как бы там ни было, должно быть, это имеет смысл! *Закричав* это так *пронзительно*, что *испугавшись* голоса. Однако, *сбравшись*, снова — да-да! Что-то сбило с толку: какие-то люди идут сюда, то четверо, то пятеро. Один из них — черный силуэт — простирает руку со словами: это друг порядка! *Облокотившись на решетку веранды молча уставиться* на них. Полиция! — закричит другой пришелец. *Бегом в дом, сбивая по дороге латунные подсвечники и срывая занавеси в дверных проемах*. Рано или поздно они смогут ходить: подрастая, птенцы непременно обгладывают ступни своих высоких родителей. Необходимо, чтобы у каждой вещи был смысл, если так и не кончишь создавать новое заново. Голос матери? Проклятые яростные голоса. Жирные, текучие голоса. О, милый п е с ! *Бормоча* в ужасе — где же твой жирный, текучий голос? как мило было бы услышать его сейчас! *Вскинув руки к небу*. Коридор позади займется огнем, а тело отдалится и приблизится. Ослепляюще свет прожектора — должно быть приемник. *Опустившись на колени и ударив ладоням об пол...*

сцена iv

Мы устали спасать этот сучий лес от его собственного безумия! Мы просто дети в своем беспечном баловстве, на которых свалилась роль Мессии, одна на всех. Мы шествуем сквозь острую траву поднять флаги! Лыбясь, хотя нас это до ужаса доебало. Мы даже есть не можем, верно? Говоришь, брат! Хозяева до того нам обрыдли, что мы даже бросили курить, лишь бы не брать у них денег! Один только бульон на костях. Ни одной живой души, так что брать не у кого. Но кто-то должен был отъехать!

Вулканы, ливни, магма, мы должны узнать все, что было скрыто от нас; худшие из худших болезней человеческих в беспечном баловстве! Ох, до чего они нам, до чего, о! Ужасно жаль! Личная беда! Когда мы вернулись. Нас долго не было. Мы смотрели сны? Когда-то мы точно знали, дождь — это дождь, но бомбы рвутся в его тканях и оставляют воронки, искажая причину, распространяя вонь серы! Не распускай свои ладони толстые листья, полные дождевой воды. Пальмовые листья гремят над нашими головами, над ночью, мы просыпаемся, потому что желудки у нас гремят, набитые глиной. Вкусная вода с сине-зеленых листьев. Вода стучит по дереву. Голод, тянущий, стучится в грудные клетки с той стороны. Мы очень хорошо знаем большую ложь. Стоя здесь

среди темноты тени тени *тяжело вздрогнув, вытянув руку, обшаривая темноту и, наконец, вцепившись в рукав.* Вон они, большие белые знакомые глаза среди темноты. Темноты, о темноты. П т и ц а .. так *тихо, почти беззвучно, одними губами.* Не одни: еще несколько пользователей копошатся совсем рядом.

Не знаю, кем бы я был без сумасшедшего веселья здесь. Если бы не знал большой лжи. Толпа оцепенела. Сейчас вы узнаете!... сейчас вы увидите...

Прогремит имя... того, кто не знает своего языка! Того, у кого слишком много языка на один рот! Тонкая красная линия рта пересекает любое лицо. Кто эти люди?

Похожи на людей. Нет сомнения, ощущение сознания: оно разлито здесь, в этой пещере. Кто там?

Снаружи. Куда они смотрят?

Несколько шагов через мглу, спуская пальцы по складке рукава, схватив за руку и потянув за собой. Там, наверху, круглая дыра, по кромке ползет существо — голое тело. Оно медленно переставляет руки, глина осыпается под пальцами.

Какая жал... П т и ц а ? это вы? — Да. — Как ваше настоящее имя?

Сын известного дипломата! На такое идут только ублюдки! То, от чего темнеют глаза... — Вы читали это? — Это пьеса. Не знаю, откуда эта идея, не знаю. — Но почему такой выбор? — Лжец! — Не могу идти! Не могу уйти! Время первого деторождения прервано, и то, что внутри, останется внутри, среди багровых рек, шумящих вниз, там где поцелуй, хотите верьте, хотите нет, написал несколько страниц, полных радости. Сестра большая ложь, ты знаешь, как спасти спущенный мяч. Там, в этих реках, друзья — Там глубоко? — Конечно, там глубоко — и, *помолчав*, — не задавай глупых вопросов. — Ты сможешь поспать? — Нет.

Может, еще сохранились несколько человек, но они не встречаются. А портреты... создавались для того чтобы дать дорогу демонам

Свет прожектора не дает увидеть, кто кричит — Что именно ты сделал?! Что ты сделал?!

Самое загадочное, как я еще жив.

сцена v

Ночь проваливается и проваливается сама за собой, слой за слоем и бесшумно вибрируя, отделяя фигуры колец в горизонты, когда черное в черном входит в окно

Когда были далеко друг от друга, горло стягивало петлей пристрастие и тащило обратно, как глупую собаку на строгом поводке

Сквозь грубую серую пленку времени различимы почти женские груди, склонившиеся над светлой головой почти мальчика — только три круга. Три ямы у меловой дороги. Дома с пустыми окнами в темные скрученные пути. Рано или поздно оно смогло бы ходить и преследовать. Рано или поздно все, что встречено, берется преследовать. Разжать кулак, и густая смесь бабочкой взлетает с руки, оставляя мерзкую белую пыльцу на линиях ладони. Способен ли сознательно искать бреда? не слишком ли притворна, не слишком ли оговорена и неспешна вспыхнувшая болезнь пастуха? всем снятся одни и те же кошмары, дело в том, кто может увидеть воочию. Это для тех, кто спит с открытыми глазами

Недолго потрахав перед тем как почить, шепча слова власти слюнявый подбородок к самому уху. Боишься разрывов? Поры звучат валторнами: маленькая смерть стремительна и проста; вслушиваясь в нее, теряя связи. Клетки — теперь это просто пробки эха, закупорившие ход к тишине. Перерыв. И снова охота за куском мяса. Удивительно реальный рот разгоняется. Нарушения сна, свет...

Колонии грибков оккупируют анус, позволяя получать несравненное удовольствие от натирания пальцами через трусы или бумагой, невозможно остановиться соскабливая кожу до крови. То и дело в трусах попадают чешуйницы: их привлекают следы крови. Цена элемента равна цене часа, проведенного здесь, но здесь часы делятся неделями

<...> но ведь этот неприглядный мир можно переформатировать, сделать его

приятным для глаза! спасти красотой! это грандиозная задача для всех передовых дизайнеров воображаемого!

Боятся. Но боятся чего? Кремниевые долины, гулкие сизые рощи силикона, флора наэлектризованного пластика, гибкая, пачкающаяся. Постоянные, непреодолимые сумерки. Боятся чего? — своих реакций. Как они собираются *переформатировать* собственные реакции? Кажется, ничто уже не сменит этот привкус

Слизистые рощи силикона. Протестировать новое лицо.

Тебе дадут новое лицо, все необходимые сертификаты, приличный рефлектор, крепкое тело. За пару месяцев ты израсходуешь тонну силикона, сожжешь сотню другую метров проводки. Нервная система, постоянно угнетенная, но и постоянно развивающаяся, будет пухнуть как мышца, крепко обхватив разум, постоянно разрываясь, постоянно растягиваясь, вмещающая самые причудливые ощущения, абсорбируя их, имплицитно их и научаясь им

Этот ум развивался. Он видел обугленные скелеты констелляций, чувствовал и переживал их. Удивительные ощущения проходили через него, оставались в памяти, но каким бы колоссальным ни был опыт, тем значимее оказываются незначительные происшествия прошлой жизни

...и никогда не терял веру, что болезни объединят нас. Ветер бушует непрерывно так давно, что все здесь превратилось в пустыню. Здесь родина новой жизни.

На той стороне восприятия слишком много пекутся о своем здоровье, но это не объединяет никого. Умер, и тело обратилось электричеством, говорящим только да — да, нет — нет. Но все-равно болезни... вполне способен, например, простудиться. Понять, насколько протяженно действие света и насколько огромен двоичный код, лежа в дерьме и чувствуя себя таким бедным и несчастным, что словами не передать!

И вдруг боль отделилась от восприятия и открыла свою причудливую форму. Сквозь полузакрытые веки посмотрел мальчик. Его голова покатила туда. Неизвестность и отражение этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны. Воздух, сгустившийся над шеей за мгновение до того, как голова его была отсечена от тела: это уплотнение было вызвано падающим ножом

Можно ли было почувствовать такое движение воздуха, или от ужаса спазм мышц вызвал иллюзию? снова и снова возвращаясь к этому ножу и к этой шее, по кругу бродя: к ножу, шее и мышце, в последний раз напрягшейся, как пружина, прежде чем кровь, бурля, покинула её. Тело и разум никогда не вернуться в исходную точку. Неизвестность и отражение этого нового, которое будет и сейчас наступит, ужасны

Катаясь в грязи с головой мальчика, изредка касаясь его лица своим лицом. Завидуя грязи, потому что мертвое лицо гораздо легче оставляет в *ней* следы, и эти следы куда глубже, чем те, что оно могло бы оставить в живой еще плоти. Горячие, почти кипящие слезы. Мы урны и нас объединят болезни.

Белокочанная капуста, звенящая под дождем и под градом, ее никогда не срежут: крепче мраморных плит. Здесь убиваемый своим братом.

Монотонная пелена.

Что сгнило здесь, то, что никогда не сгниет?

Урна электричества медленно вращаясь: да — да, нет — нет. Ощущение записывается во время исчезновения. Спада или растворения. Обычно оно исчезает на полпути или не возвращается. В этом теле обитают существа и явления ему не знакомые, но одна проявляется в последнее время все чаще. Попытайся встать — садится на корточки. Ее охватывает презрение к собственному телу (не смущение), потому что ее крепкие ягодицы обнажают анус, он выдвигается как клинок из ножен, но это движение подразумевает схватку, а схватка — с нечестивым. Ее анус всегда должен быть скрыт от нечестивых, он всегда должен быть в кожаных ножнах ягодиц, глубоко защищен. Ее ягодицы красивы, как у юноши.

Память делает выбор, избирая одно прошлое при бесконечности других. Лучше выбрать прыжок с парашютом, роман — вещь ненадежная. Тем не менее, роман этот то и дело всплывает. Боль спит, ее нужно только поднять. так что она всегда здесь.

з о л о т о й п е с

т е ч е т .

сцена vi

Смотря полумертвый канал в городе, в котором связь оказалась ловушкой: но ведь этот неприглядный мир можно переформатировать, сделать его приятным для глаза! спасти красотой! это грандиозная задача для всех передовых дизайнеров воображаемого! Тогда еще не понимая, о чем ведет речь мразь из минкульты. Мысли были заняты только ловушкой; это Меркурий: пространство воображаемого готовил новую жизнь, но сперва в брачном наряде должно было пройти с похоронным кортежем к высокой скале, где, в глуби воздуха, ожидал гименей. Вспоминание, будто трансляция собственного суда, посмертное обвинение, наблюдать за обвинением из камеры смертника: Людоед не переключил канал: собственное мнение насчет любой кнопки. А когда надоело это развлечение, повернулся и пристально на глаза, на губы, призывно и лениво:

— Сынок, — огромный, как Зевс; *к нему*: ууууу, Людоед! Во влажном лесу украл детскую душу. Лесной царь, какая гигантская голова. Мягкая, влажная, толстая белая кожа обивает тело. Щупая каменный череп: это не череп человека, ни за что не поверю. Взобраться на тебя, как на курган; лунный свет бьется о угловатую кучу. Рот, сотканный пылью, блистает. В акробатическом экстазе, под солнцем. Гигантская грудь покрылась красными пятнами от секса, глаза из-под дуг прямые, поглупевшие. Глупый учитель. Пение: учил *этой* голос... тут, здесь. Как голос, которым учил, велик не объемом, а плоскостями в бесконечном движении. Одна из плоскостей корабля скрывает двоих на узи малого таза — одно большое пятно. Малое пятно. Почти заснуть, продолжая тереться о любимую насыпь, вцепившись в выпирающие скалами ребра...

Память, несущая тело, стала ландшафтом: здесь столько вещей похожи на острые ребра Людоеда! Колоссальные островерхие валуны, хребты стальных балок, всюду обрамляющие пустошь. Сексуальная связь стала целым миром. Жалкое человеческое тело несет ответственность за бесчисленные миры, проходящие через сознания миллионов. За их осязание, запахи и вибрации. Ощущение несравненно большего на языке атлетов зовется

акробатическим экстазом (а обратное — т.е. неудача, презрительно — посткоитусом). Бледное лицо искажено болью: из открытого рта раздаётся звук сирены. Лицо — это все, что можно увидеть в этом блоке

В лучах закатного солнца склоны, сплошь укрытые безмолвием чешуйниц, кажутся похожими на поднятые в оргазме ребра; тогда смотря на них, представляя себе Меркурий. Тогда, возможно, все было уже решено в обход сознания? как мало что значит *сознание*

У стены рядом с зеркалом ударив в лицо. И ещё раз: боль отделилась от тела, распустился цветок. Все началось с осознания: то, что использовалось как вещи, скрывавшие действительные желания и загромаждавшие вход в пыльную комнату страсти, есть материал для настоящего творчества, о котором и подозревать было нельзя. В зеленых резиновых перчатках бродя по осеннему лесу, высматривая кусочки плоти в траве. Если бы кто-нибудь увидел в тот момент, решил б: сумасшествие. Но думая только о том, как ввести свой дешевый портативный экран в среду. Ребёнком устраивая себе пещеры в кустах жимолости и практически живя в них. Находя там кусочки плоти и прививая к своему телу, к своим рукам и между выступавших из шуплого торса рёбер. Играть со своей мочой: она как жара, поджидающая на выходе из пещеры, она была похожа на хрупкое, тихое золото. Осеннее золото разливая в разные емкости: пластмассовые ведра, жестяную миску, брошенную пустую фоторамку, и двигая влево и вправо, устраивая золотой прибор. Это казалось чудом, что собственное тело может дарить такую красоту. Гигантский замкнутый кругом мир обрушился в дрожащий мутным золотом экран и тем самым сделал его своим центром. Еще чуть и он бросился бы в сердце, но тогда бы центр сместился и повлек катастрофу: так что глядя близко, держа мир в своих руках, но, однако, предельно далеко, будто смотря на него в телескоп, расставляя ловушку: ложась на землю и вытягивая в разные стороны ноги, согнутые в коленях, задирая юбку. Зверь чуял запах и быстро шёл: высокий волк с совершенно синей шерстью. Он напал на промежность: поддаваясь вверх, насаживаясь целью на его нос; волк искал широким языком клитор: но хотелось подставить ему свое очко

— когда вы поняли, что действительно уничтожаете свое тело?

Вечером, сидя у окна, листая фотоальбом семьи Людоеда. Отец, еще почти мальчиком ассистент главного веб-дизайнера адронного коллайдера, разумеется был причастен к созданию Меркурия. Портреты. Ни одной групповой фотографии, будто найденные в сети лица случайных людей. Внимательно всматриваясь в его черты в надежде увидеть сходства, какие-нибудь ответы, морщины, в которых могла бы прятаться музыка Людоеда: то, как по набережной Шпрее напевал свой плач. Недели плача в Берлине. Весна плача в Берлине. До

встречи что, жил в чулане? что, в хлеву родился? Рассказывал старую рождественскую шутку. Не плакал. Река зимой — редкие прохожие слышат безумную песню (что вряд ли кто опознал жанрово). Сочинял на ходу, каждое утро, до восхода солнца, чтоб поменьше ушей. Повторял в ванной. Нашел мужчину, и он пел ноты плача в ванной: на записи каплет кран. Но тот был не одинок и у него не вышло. Хотелось быть плакальщицей.

Закрыв альбом.

Среди ночи кровать неожиданно пуста, тревога. На кухню: качается — всякая скала — из коридора. Горбатая тень раскачивается, в свете распахнутого холодильника, словно космонавт, повисший среди бесконечного холода Вселенной, освещенный жалким фонарем в илюминаторе. Решиться подойти... несколько минут простояв в коридоре опершись о стену рукой пока с кухни не раздалось: ты козел ебучий, ты слопал всю мою жратву и ничего не оставил мне!

сцена vii

— Эти дни кончатся, П т и ц а глядя в зеркало

П е с поднимаясь по лестнице, промокший насквозь. В прихожую хостела в четырехэтажной желточной сталинке; *отряхнулся от воды прислонившись к горячей батарее.* А тут женщина в длинном плаще, расписанном красными и рыжими фракталами, по всей прихожей разбросала своих насекомых: трех крупных тараканов, длиной больше пальца, и двух очень красивых жуков с квадратными панцирями: один с желтым в красных ромбах, другой с синим в зеленых спиралях. Внимательно на ее высокомерную физиономию, когда она разговаривает с администратором, а закончив, как бы невзначай наступает на своего красного жука: слышно, как трещит его тельце, крем желтых внутренностей лезет наружу. В ужасе к стойке администратора, хлопая губами не в силах ничего сказать: чудовище притворяется будто эти жуки ей не принадлежат, будто это не ее, не к ней, твари! Не вспомнить, сказано ли было ей что, но ясно, сбежав из гостиницы, уже не вернуться, а П т и ц а там, где-то в кошмаре, коридорах и комнатах

На ощупь, в темноте; пятна от разлитого вина на столе, в остатках вина тухнут окурки, и глупые округлые лица проявляются в окаменевшем забвении вокруг стола: если подойти к ним — разобьешь голову. Как тролли, они окаменели в свете средств управления подчинением, обживая окраины экономики, занятые потреблением собственного очищенного времени, блуждающие в молоке глаз другого, в темноте

не способны видеть ничего, кроме отражений, текущих;

отдаленный голем, окруженный сном. Ночь продолжается, и пространство отмены поглощает нас и отделяет нас друг от друга, мы кружим в нем. Мы отделены друг от друга потому, что поглощены, или поглощены потому, что боимся? Мгновения насаждают неизменность; мосты от утра к улице через усталость. Это реконструкция провалины, выпяченные губы, уродство, тянущееся к чему угодно, что выпьет его, стаи

саранчи, заслоняют солнце духа и вопят: международное переменчивое письмо невозможно! Стаи саранчи разносят от солнца к солнцу ощущения, донныне неизведанные и покоившиеся в огне. Самое истинное отчуждение от реальной жизни есть простое видение реальной жизни. Мыло смывает с нас жир, грязь, пот полезного действия, чтобы добавить еще немного руин к старым сувенирам! Жизнь в долине смерти, которую, подобно диким ветрам, пересекают ощущения; нужно б найти ночлег: через бульвар по горбатуму мосту над железной дорогой направо хостел в деревянном доме “БЛАГАЯ ВЕСТЬ”. Человек в кожаной куртке и спортивных штанах с лампасами ведет сквозь узкий коридор к комнате на семь спальных мест. Он улыбается.

Работа: ресторан поблизости: деревянные столы, вместо музыки шум человеческих голосов и звон посуды. Вокруг ползают ящерицы. Что ж, таких высокоразвитых существ не видно было давно. 5907; мягкая коробка, из еды для себя только нектар и пыльца цветов, мякоть сочных спелых фруктов. Работа покрывает кожу остеодермами. Их щитки на ранних стадиях развития вызывают зуд. Затем, ближе к весне, гигантские многоядерные клетки удаляют костную ткань, разрушая коллаген и минералы. Время от времени, вечером, после работы или во время длительных перерывов к побережью, где негустой тропический лес сменяется саванной

Коммивояжеры-девственники, странствующие атлеты, покачивающие Чашу, Что Электризует, ступая по ее кромке, мимо нескончаемой стены набережной, натянутых, как стены, якорных цепей, темных засаленных веревок, собак, слизывающих побледневшую кровь с улиц, пошлепывая по сизым вздрагивающим крупам мерно подсакивающих животных, нервничающих, тяжело дыша в облаках пыли, шлепая копытами в болоте стального жира, разливающегося радужными кислотами, неверно отражающего темные сальные лица, проявляющиеся в слабой пульсации заволоченного огня факелов, среди уплотняющейся пухлой тьмы мертвого дня, без начала или конца вздымающегося над Меркурием. Это только воспоминание,двигающееся мелкой рысью; сонное царство пыли: частицы дремлют на стальных балках, застывших во вскинутых позах дыб и виселиц, на древнем разрушенном асфальте, иссохшей земле, когда-то державшей на себе движение потоков широкой реки, бледно-оливковых косточках авокадо, сочащихся железом на сколах, окаменевшем в своем грохоте пальмовом листе, горгульей повисшем над пропастью, поглощающей ртутный дождь, на бедрах застывших в страхе лошадей и на доспехе атлетов, похожих на живые, бездвижные кости; тьма воспоминания твердеет как черный февральский снег

акт зрения. Акт видения своими глазами. Акт не отворачивания лица. Струны, потускневшие от времени, трещат под волнами сияющей пыли. Тьма над городом становится зеленой, как изумруд.

Изумрудная река, у которой отросло солнце. Изумрудное кадило раскачивается из стороны в сторону в волнах сияющей пыли. Динамомшины призывно гудят вдалеке, за червеподобным винно-стальным горизонтом, вьющимся, изгибающимся искривлением собственной персоной, тысячелетие заставлявшей видеть округлости эллипсов в плоской кособокости земель в зловонном сумраке присев

одной рукой оттянув в сторону левую ягодицу дабы полностью открыть проход к анусу другой руке вытирая клочком серой бумаги следы экскрементов с каждым новым клочком все более довольствуясь трением теперь прекратив рвать бумагу — в ход идут пальцы расчесывая ложбинку за анусом обрабатывая все пространство вокруг него обходя саму заветную звездочку застывшее желе разбросанное под ногами лицо хочется целовать его широко раскрывая рот всасывать его внутрь питаться анусом как древние плоские обитатели этих плато разбросанных в шуме усыпить ум в стоках ощущения — господи, как здесь темно!

Хостел в одноэтажном деревянном доме *влив в свой рот темную крепкую жижу* больше возбуждает фантазия тела чем его реальность будто его волокна растут сквозь воображение пережить этот опыт

на границе наглого тела с помощью плача. Предъявить свою повторяемость с помощью плача. Переживи этот плач отдельно от себя оторви да брось! — он может вернуться или нет — ты — девочка — покажи мне — смотреть на чужую боль — посмотри на мою боль мне тоже больно! — ИСТЕРИЧЕСКИЙ ПЛАН — угасание смысла — *в сторону* — не могу больше жестикулировать, устал. Неподвижность ускоряется позади, неясность становится прозрачной. Предъявленное тело читает конфигурации — держишь это тело в руках. Перемещаешь в пространстве и времени, намеренно лишая чистоты. Спя вместе. Не разрешаешь принимать душ. Снилось, пробираясь сквозь заросли жимолости, наткнувшись на дохлого барсука; в двух метрах от него дохлая жаба. Бездвижны, но точно, что барсук гонится за жабой. Затем голым на земле. А ты ходишь вокруг, вместо руки у тебя гигантское бревно, а вместо ноги чучело скунса, и ты тщишься найти, но слеп

сцена viii

Алкогольное искривление; проламываясь сквозь красные кристаллизовавшиеся переулки всюду слыша шепот: Гегель... гегель... мимо горбатого моста над жд путями: каждый день этот путь приводил к Людоеду, но не теперь: поворот к деревянному дому, тускнеющему над фонарями железной дороги; свет и тепло ослепляют: из-за стойки администратора при приближении поднимаются веки молодого мужчины: хитрые глаза. Сопровождает до комнаты, разглядывать его зад: кожаная куртка; ниже: спортивные штаны. Статный как леопард. Длинный коридор. Можно лечь на втором ярусе кровати, в комнате еще шестеро. Утром, проезжающий поезд. В ресторан на работу, пять минут пешком. Ресторан в большом деревянном доме.

Итак. Живя в хостеле, работая в ресторане, а по ночам задыхаясь. Работа на втором этаже: стоя на линии и нагружая миски едой. Едят странную пищу: насекомых, членистоногих, рептилий и земноводных. Никого ни о чем не спрашивая, делая что велят. Работать легко. Легко, потому что все время мысли о Людоеде, но с каждым днем эта память все больше стирается, засвечивается, а работать не становится тяжелей. Иногда, спускаясь вниз за новым лотком еды, заметить, как усатое многоногое существо еще шевелится в супе, но пока донесешь его до линии, оно почти растворится в жирном белом бульоне. Может, это китайский ресторан. Где тогда китайская музыка? Этот вопрос всплывает и тут же растворяется в голове, занятой работой

Нагружая миски едой, следя, чтобы еда не засыхала на стенках лотков и вовремя переливая ее в чистые. Заваривая чай, раскуривая кальяны, следя, чтобы кусочки игуаны на шампурах, хрустящие тараканы и стрекозы равномерно прожаривались над мангалом. Пополняя стойки с напитками. Следя за чистотой линии и собственных рук иначе — химический ожог. Спускаясь на кухню закашляться от поднимающегося паром с раскаленных плит шуманита. Иногда тихо повторяя

что-нибудь под нос или говоря с собой запершись в туалете: с кем-то говорить необходимо. Не зная языка, на котором говорят все вокруг, однако прекрасно понимая, чего они хотят, отвечать им легко. Разъясняя посетителям, что из чего состоит, себе вряд ли можно было бы это объяснить или нельзя было бы это поверить? Легко говоря с ними на их языке и с собой на своем, но эти языки никогда не соприкасаются в голове: не соположить слова одного языка со словами другого. Не получается ничего перевести. Даже себе. Так произнеся: *это период*, но впервые в жизни не веря, что он закончится. Некому позвонить или написать. Теперь наконец становится ясно, что виртуальное пространство, будь оно примитивно как интернет или совершенно как Меркурий, не имеет ничего общего с общением, с коммуникацией. Это похоже на пробуждение. Изодня в день. Капель. Некоторое время спустя начинается капель

ибо виртуальное пространство субстанциально. Разве может в таком случае быть оргазм не виртуальным? Колебания у входа. Людоед переселился на zerostrasse, так что в любом случае это дорога к пустым окнам. Девочка, стоящая на мостике посреди пустыни. На арене. Порядок составления фраз непредсказуем, так кто кого понимал? Когда мы уже покинем эту желтую дыру? Мерзкую, как околоток;

как осколки встающего солнца, птицы мечутся, бледнея в сумраке; лестница в твоём доме в никуда. В дыру в потолке, где ты, пополневший, отпустивший усы: это смешно, но ты не веришь, руины, волапюк, фото:

подкову нашёл среди руин
Наа, унитаза, треники следят, как бы ничего лишнего, да как бы уцелеть здесь, как в лодке

из длинной унылой земли, а здесь все по-другому, вогнутое, следливое

если что-то и сохранится, то наша безграмотная дочь, её муж — варвар. В музыке ночь лежит раньше, могилы хоров. Могилы, хорватия, очень плохо сел, они заикаются. На линии человека. Зато я ненавижу многое, алло? Она же не успокаивается, она же качель! Как же это... вибрация! Какой-то был звук как терменвокс. В полночь у моря. Заслуживая улицы, грузового порта, столетия грузов. И вот они вдруг вспыхнули во тьме. Воздушные из пучин меняя кожу, облачную, голубеющую, ископаемые. Здесь, на арене

заячья губа машет им, вздрагивая всем телом: хочу...

Лежит на широкой кровати, широко расставляя язык. Одежда — под; в окне — куда завалился. Тот, кто заберет нас отсюда. Слов. Слов. Без окна

сцена ix

При приближении поднимаются веки молодого мужчины взгляд сбивает с толку: любопытство и двусмысленность. С каждым днем работы возвращается что-то вроде молодости; визиты близкого, но слепого солнца становятся все поспешнее, с терпимостью, жнущие сыновний страх. Близость к пустоте не угрожает. Так что внутри не гложет страх, напротив, разлит вокруг, как меридиан его движения. С каждым закатом тени прошлого уже не столь впечатляющими возвращаются в глазницы, пожелтевшими, выгоревшими на солнце, которое опять упущено. Пространство открывается условностью; никаких условий в душном сухом воздухе вибрации тянущихся поездов. Анализ = химера, с каждым днем это становилось бы ясней, если можно было бы внести ясность в один из них. Солнце слишком близко без наблюдателя. Исходная фрустрация, делающая область практики такой завораживающей в плодородных утечках, выражается в том, что задается целью похода; прошлое располагается не позади, а скорее где-то на отшибе, в краю невозможного

то, что сформировалось как невозможное, помечено как утрата. Утрата позволяет видеть и оперировать; прошлое — противоположность виртуального. Абсолютно черный двойник? Выгоревшая звезда виртуального

не прошло, не будет, не есть; виртуальное и — выгоревшее виртуальное — т.е. *ставшее невозможным* прошлое растет: невозможное поглощает все больше виртуального пространства. Все располагается на одной расчерченной доске. Ощущение прошедшего = невозможность вмешаться. Рыбий глаз. Белый глаз рыбы, поданной в вагоне-ресторане, в черно-белом фильме ужасов, разгадка на блюде — [она вареная?] — память — черный ящик таких катастроф. Коммуникационных, по большей части. Считать себя субъектом операции вынуждает шок: при тотальном отсутствии коммуникации трудно найти виновницу. Но память не архивирует и не возвращает сложность:

она сжигает ее и последняя уже не доступна формализации. Поэтому человеку остается только слепой крестовый поход в виртуальное. Вот один из крестоносцев, чье дело не запоминать, а забывать, и он вконец перестал что-либо понимать.

Хитрые глаза: интерес, удовольствие. Поднимает к любопытству. Специалист подменяет тирана, террориста или хозяина. Здесь разыгрывают то, что делает он, и то, что нравится другому, но что в любом случае не отождествляется ни с тем, ни с другим. Технические средства, позволяющие управляться со сложностью виртуального, быстро сжигают того, кто кружит в них: очень мягкие, обволакивающие, теплые, погружающие, кружащие. Особенно губы. Но, несмотря на то, что смерть атлета куда скоростижней, его восприятие успеваает обнаружить куда больше, чем восприятие обывалы, не знавшего ничего кроме утраты. Уже трудно держать нить. Эти мысли, вместе или порознь, рождаются в голове и без сопротивления угасают. Можно сказать: угасли?

Улица. Стена: *будущее не сейчас* в темноте написано. Места интереса-удовольствия оставлены позади. Не сейчас. Обращено ко мнению и любопытству. В какой стороне? Обратите север ко мне. Хитрый взгляд. Встретиться лицом к лицу с отсутствием, которому это место. Близость к пустоте несет урожай. Схватив ее за палец, но это лишь клочок чьих-то волос! Производство дает имя вопросу, которого нет, вопросу из невозможного. Его нельзя было бы задать, такие вопросы всегда только слышатся. Запретить себе даже думать о возможности контролировать события и влиять на их течение, все вокруг полно технических специалистов, галлюцинаторных помощников и слуг власти связей. Эта бесплодность сковывает. Нет ничего кроме скоростей и задержек, никакого развития, абсолютная прозрачность, чистая муть. Просьба захлопнуть глаза и смотреть. Наша связь объясняется великим страхом, страхом перед тем, чем становится мир

Речь ни в коем случае не шла о том, чтобы как-то экспериментировать спекулируя

на дарах этого мира, а о понимании его как места, в котором мы переживали некоторый новый опыт, но осмыслить который было некому, в силу его несравненной новизны. Однако

в силу ее же от него не отмахнуться: люди пребывали в ступоре, нескончаемой серии кататонических микро-экстазов ежедневно, ежечасно: атлеты работают без выходных

Не смотря на прошлое следовать в это пространство совершенно искренне, оно завораживало

когда только начинали вдвоем, двигались во тьме. Что нужно делать? Надо думать началось это примерно так:

если ощущение не становилось невыносимым, то и думать об этом не стоило. Ощущать значило ощущать невыносимое. Тогда, как и теперь. Ощущение невыносимо, потому что неосязуемо. Тюрьма в тюрьме, или наоборот, для тех кто знал, как шевелить, ощущать неосязуемое, нет необходимости возгонять: это уже предел и скачок дальше. Суть в том, чтобы просто ощутить нечто неосязуемое. Другие уже не смогут вообразить, что утратили

Шелест кожи когда гладил выставленные головой животного его ягодицы прекращался только уводил ладонь во тьму звериного лица. Кожа неподатливая как шелковая кора безжизненной планеты. Грот венеры. Жопа из серных облаков.

Разглядел ночь. Только и всего. Любовников никогда не бывает двое. И не шестеро. Их больше. Миллионы ушей слышали этот шелест, казавшийся слишком близким. Миллионы слышат его и сейчас

среди ночи открыв глаза увидев над самым своим лицом повисшее на паутинке многолапое существо, сотканное из живой наэлектризованной пыли, мерцающей и мутирующей, открыл рот и оно провалилось в тьму внутренностей. Кто теперь питается тьмой? Тьма переливает себя из тела в комнату и обратно, пульсируя, мерцая. Мутирует — я; мерцает и пульсирует. Тело — осевшая на каркасе причудливо завитой электропроводки пыль. Кто ему откроет глаза? Мутирующая пыль тянется ко тьме электричества. Проваливаясь,

уничтожая себя, разливая и разбрасывая тело. Во все стороны: везде, но нет. Страх своего тела: оно только мешает ощущать. Временами оно отвратительно. Подобие существа. Залезая на второй ярус, ударился ребром о угол кровати и вибрация пронзила органы так, что они стали ощутимы. Еще не привык к собственной сложности. Не привыкнуть. Вдруг почувствовал, как в пояснице журчит полая вена.

— Так что случилось с псом? — Убил его пасынок главного веб-дизайнера. Я не буду говорить как, это просто поверь чудовищно. Ты можешь не хочешь этого знать

Голоса на границе сна слышатся каждую ночь или почти каждую. Носить кассету с чистой посудой вверх по лестнице на линию и относить грязную посуду вниз по лестнице. Нужно делать это быстро, ничего не роняя, никого не сталкивая с лестницы. Поднимая лоток с горячим белым супом вверх по лестнице страшно пролить кому-нибудь на темечко кипящее кокосовое

молоко. Если вылить кому на голову суп, то начинка объест ошпаренное лицо прежде, чем расплзется в разные стороны умирать. В легкие постоянно попадают тяжелые пары с кухни и по вечерам неизменно болит голова. Как-то перед дверью ресторана оказывается знакомый из прошлой жизни. Он предлагает выкурить смесь. Глубоко затянувшись когда кто-то требует отойти от дверей ресторана. Недолго прищурившись друг на друга и вернуться к работе

Работать трудно: все стало слишком мягче. Уже не так ясно, чего хотят посетители, ответы невпопад один за другим. Накладывая стеклянный салат заговорив о том, как приятен на ощупь, теперь косятся. Переставив посуду с места на место и снова. Забыв вскипятить молоко. Однако время идет скоро. За окном расплзается дым, расчленяемый сиянием полуденного солнца. Прежде будто и не смотря в окна и не замечая, какие они большие на первом этаже.

Есть хочется так сильно, что засунув рисовый шар с жимолостью в свой фартук сбежать в туалет — за унитазом вьется густой плющ — защелкнув дверь протерев бумагой стульчак, спустив штаны и сесть достав шар: надкуси его и теплая сладкая масса заполнит рот: напрягись: теплая масса покинет анус и собьется дыхание. Вкус сладкого риса переходит все границы того, что прежде можно было считать вкусом: *ощутить его*: каждое движение языка, каждая его волна сцепляет рецепторы и сладкий рис. Сознание трещит будто в мозге сгорают целые отделы нейронов удовольствия или намеченные древним инстинктом нейронные контуры загораются, познавая каким может быть новое удовольствие. Запихав остатки шара в рот, так что не продохнуть: весь рот до самого горла наполнен сладкой массой. Умереть страшно. Хорошо. Листья тянутся с лоз, покрывающих стену за унитазом, льнут к коже. завершение креолизации. Вокруг спускаются воздушные корни в толстом слое гнили отмерших клеток. Протянуться между ними вперед, к чему-то, чего не видно, не в силах увидеть. Стремление непреодолимо, когда ясно, что цель тяги чуть ближе, чем кажется: почти у самого конца самого собственного существа. Осознав это с новой силой напрячься и двинуться куда-то внутрь своего конца: три чашелистика разорвали нити, связывавшие их: нити ужаса перед нарождающимся миром.

сцена х

Время уродства кончено, лепестки разошлись в разные стороны, а губа вывалилась вперед и вниз, выставив притягательные меловые клыки. Открывающие дверь в туалет, пускающие воду из крана, слышали шорох. Каждый, кто был в ресторане, получил пакет атлета, не зашифрованное послание, а сам код. Воздух в ресторане замерцал и перестал проясняться, пары клубились на замершей кухне. Пейзаж за окнами: плотная ультрамариновая ткань. Наконец-то последовательность заполучила последовательность: в виде бесконечно распаковывающегося пакета одна была принята другой. Изоляция завершена: лихорадочные толчки машины, подающей ткань, преодолены, преодолено ее неупорядоченное однообразие, панцирная кожа ее семиотики снята. Выставив пыльники напоказ хочется быть привлекательным, источать запах плоти, белой и гниющей, раскрытой влажной картой размножения; сложив бронированные надкрыльники, ползти ввысь по стволу своего саморастущего тела к белым лепесткам, протрубив призывный гудок, раздвинуть лепестки и впитаться в сладкую жирную пыль. Рост. Рост тела завивается спиралью в расплюсненном времени. Продвигаться глубже и раздвигаться шире. Роль определяется в процессе, когда действия облепляются ощущениями другого, который может сказать, сформировалась ли роль.

Материальная система прекратилась, чтобы вновь вонзиться в сознание через мгновение.

Итак, колыбель для искусственно рожденных. Все достигает здесь своего апогея. Одни обитатели колыбели сменяются другими. Нейронные массивы умирают и заменяются. Меркурий — эмбрион продолжающийся в следующем эмбрионе,

а цикл рождения и размножения для него — чистая галлюцинация. Никто не умирал здесь. Но что происходит в воспламеняющейся реальности?

Вынужден

разделять себя.

Я — распределенная речевая свинья, и я у нее в плену, отвечая конкретно, общо и, наконец, интуитивно. Ложное продолжение: чтобы с я не происходило, оно происходит за пределами жизненного пространства homo sapiens. Биобатарей перерабатывают *эту* органику в электрический ток ответом да — да, нет — нет, и я возносятся над своим кварцевым гробом, электролитовой усыпальницей всего вида. До смерти тела модуль поддерживает его работу, питаюсь теплом, кровью, и поддерживая эффективное существование с помощью серверов, загруженных корковыми нейронными массивами эмбрионов крыс. Нейронные массивы умирают и заменяются

Или

система загробной жизни: система генерации энергии на основе разложения погребенных тел при помощи микробиологических топливных элементов

Испо

льзовать свой мозг не как когнитивный орган, а как чужого — это контрреформация: ее адепт — иезуит, одержимый живыми картинками из ада, бесами, скачущими по нейронам или ангелами, танцующими на мозжечке. Давно стало безразлично, опасно ли то, что увлекает; золото ощущений, выскребанное позеленевшими ногтями из обжигающего песка перемолотой нервной системы, обогащает благочестие собственной души и мирового духа.

сцена xi

— Ах, бедное песье тело! Крупные горячие капли побежали по сине-бледному лицу, оно уставилось в какую-то пустоту перед собой. Напротив глаз тяжелый лист папоротника раскачивается под тяжелой стусившейся темно-зеленой водой. Непонятно чей темно-зеленый голос только что услышал. Выбравшись наконец из туалета. Должно быть, прошло много времени, никто не потерял. За столиком напротив туалетов сидит старая нищая, кто-то из работников ресторана накормил ее тыквенной кашей, она ест и плачет. — Розыгрыш? — Если бы это было так!

Весь мир, в котором продвигаться вперед,
волшебный и таинственный, поблек бы в одно мгновение

Толстые длинные стебли опускаются,
чашечка поворачивается, слепота: грудь так слаба, что прогибается ими, хотя они даже не касаются ее. Если есть грудь.

Настолько бессмысленный, что
уставился, как замороженный
в котором вперед

Использует минимум
материи, как бы нехотя вступающей в мир. Использует ли вообще пространство? Кто? Если хочешь, получишь от этого удовольствие. Старый мужчина за соседним столиком тяжело выдохнул: пожалуй что нет.

Попавшись,
единственный выход — бежать как можно скорее. Внутри рождаются гной и

кровь — до тела — и превращение в поток ощущений прежде, чем эти субстанции становятся несовместимы. Бурлят и совокупаются, непрерывно выталкивая чистую интенциональную жизнь. Костный мозг сдает границы памяти памяти и превращается в жидкость цвета лопнувшей жимолости. Хлебасть его из собственных вырванных плеч, губы заливают маслянистая жижа. Зыбучие пески перед взглядом жадно всасывают сами себя, пока разбавленные густой сажой не разделяются на два лагеря. Охваченная пламенем кошка заглядывает на чай. От нее веет холодом. Ее зрочки — кристаллики льда, вставшие на дыбы... Когда разъехались — никаких концертов Людоеда. *“Мысленно посадил тебя на передний ряд...”* Но, посадил лишь фантом, обманку, картинку, которая не течет: она сидела на переднем ряду, сложив ногу на ногу, сжавшись всем телом, сжимая бедра, силясь скрыть потоки, просачивающиеся сквозь тонкую щель как ключ. Музыка и выделения боролись занять это тело, намертво схватывая друг друга, шипя как раскаленный металл и ледяная вода, схлестнувшись в промежности, так что, не выдержав беззвучно ревущего напряжения, рассосалась, оставив место пустым, с каким-то наростом человеческого тела, совершенно неинтересного тебе

сцена xii

Как же починить этот проклятый автофокус?! — Что может стать искусством в этой комнате, что бы заставило человека, вышедшего из темноты и холода, продолжить свою собственную хрупкость в непрекращающихся паузах ощущений? Движение ограничено мышцами, каждое их движение куда больше чем звук, или шелест ковра, или сочетание, или случайность. То, что будет выражено однажды, не будет иметь никакой ценности после. Подгадать ритм невозможно. Но здесь, однако, можешь облокотить свою голову, кто-то или никого, перед чем можешь закрыть глаза. Можешь поговорить сам с собой. Да, здесь и сейчас, ответить на какие-то насущные вопросы о средствах связи, на которые так долго стеснялся дать ответ. Теперь можно быть остроумным. Перед собой: не стыдно

Женщина, обнажив рот и сжав веки, брызжущие струйками слез, несется сквозь утро, подгоняемая воздухом: сплошной шумящей пленкой чешуйчатых золотисто-зеленых и черных крыльев, острых и липких. Мокрые волосы завиваются и бьются как отошедшая кожа, мгновенно свалывшаяся, ороговевшая. Белые, голубые, зеленые и золотые крылья щекочут ее шею и грудь покрывается глубокими трещинами, темнеет ссадинами, коростами. Она стремительно приближается к темнеющему пляжу. Камни на пляже — пальцы бесчисленных мертвецов, неинтересных тебе. Песок сосет сам себя. Никогда не вернется назад. Никогда не было прежней формы песка. Как у лиц вставших из-за столов: они ходят по ресторану, стучат подошвами о паркет, стонут бесшумно, как магниты тянущие тяжелую пыль, гремят посудой, хлопают языками о неба. Оценивая выход как наличие

Четыре разношерстных осы подходят к столу перед, но их шествие не имеет цели, и они рассасываются, навсегда теряют друг друга. Другая женщина: смотрит прямо сюда, оценивая разродившуюся из-за разошедшихся сил опасность. Отводит взгляд: опасности нет.

— Это игра.

Интересно, кто это сказал?

Подарить свое тело. Она обхватывает бедрами голову, свисая головой с края кровати: так высасывает, добывая яд. Кто?

— Один из вариантов развития событий.

Петли мостов в беспорядке брошены на берег словно грязной бурей. В этой позе есть что-то ядовитое.

Видно, как выгнулся ее мизинчик, робко, как проснувшийся мальчик, прежде чем она сцепила пальцы за своей спиной, видно слезу, вставшую под ее левым глазом, знакомо, как она дышит, стараясь дышать ей в такт пуская слюну себе на подбородок, цепляясь за все и соскальзывая со всего, таким образом продвигаясь, и накрывает эйфория: нет ни границ, ни почвы под ногами; легко и просто, будто открытку с экзотическим ландшафтом человеческого существа, она передает ощущение: соитие образов, любовь, тандем орхидеи и чешуекрылого падальщика: он откажется от плоти, а она воплотится. Ее череп, стянутый кожей, весь его прошедший рост с самого начала — чистой интенции. Казалось, что она смотрит только сюда, а она заметила только в конце и не там, где был: рикошет отражения. Петля, страсть, мост: вздымающийся цвет. Запрокинув голову открыл рот и вкус ее слюны падающей прямо в экстаз. Из всепорождающей смеси гноя и крови здесь, в пьющем слюну существе — всем в глотке. Глоток — весь мир, в котором продвигаться вперед, просто, как электричество

Сложнее, когда ее лицо уже не перед и приходится замечать другое: рыжая, вглядевшись, но в какой-то миг деятельность в глазах и эта пропадает для

Юноша с оскалом звероящера, глаза блестят как мыльные камни, но снова к первой, и тогда уже ясно, что там, куда направлено ее зрение, ничего и никого. Четыре дня в ее ощущении и это полностью завершённый мир, с которым ничего нельзя сделать кроме как повторить

Мир — это ландшафты логики. Ее мир безошибочен. Ничего нельзя сделать, кроме как повторить

Роль мазохиста за ней

в какую-то трехэтажную столовую пропахшую дешевой едой: старым мясом, кислыми супами. Не хочется пользоваться телефоном, приходится зайти и искать ее; хочется скорее

отсюда уйти, почти паника от многолюдья и запахов. Обойдя второй этаж к лестнице на третий когда она неожиданно окликает: в компании группы старушек и трансвестита. И не подумать найти ее там, проходя мимо этого стола.

Жизнь в доме, которому, кажется, больше семидесяти лет: он пахнет самим собой, своими старостью и разложением (в торсе здания строительные скобы чтобы оно не соскользнуло внутрь себя), он сдерживает в своих помещениях стойкий запах человеческих газов, выпущенных за десятилетия живыми и мертвецами. Квартира испещрена шумными надписями и рисунками, словно проекциями разъятых сознаний, прооравших когда-то себя. Только обосновавшись здесь, в общей любви, видно сколь многих унесла смерть. Все окна в квартире завешаны плотными шторами или жалюзи, но если открыть окно в спальне, видны дымные колоссы Москва-Сити. Здесь снова курить и много, затем ощущение закончилось, а началось ее отсутствие и вонь стала невыносимой...

Со стороны туалета идет прелый запах мочи трех живущих здесь кошек, если очистить их лоток, пробивается запах канализации, еще более липкий. Дом детства: из окна видеть сросшиеся красными соснами горы, порезанные обвалами красной глины. Часто ходить к ним: из тел крутых лоцин торчат бурые корни, покрытые красной порошей, и бьют золотистые ручейки. Глубже в воспоминания, но запах стоит и там: едкий запах человеческих стоков просачивается всюду. Может, он прошмыгнул в настоящее из прошлого или в прошлое из нынешнего. Отвращение охватывает с новой силой, бясь в нем не в силах сомкнуть глаз. 3:17.

Нейронные массивы умирают и заменяются. Так что ее больше нет и она ушла. Депривация вызвана отсутствием связей.

Лунный свет, пальмы, а не эти кошмарные сосны. пляж. Песок красный. Лед на песке столь легкий, что журчит под копытами как тонкие струи воды. Пальмовые листья и волосы на стволах хрустят сжимаясь под нарастающим инеем. Мрачные фигуры всадников удаляются с вымершего пляжа, неожиданно накрытого заморозком, вползают в улицу: лошади идут медленно, на каждом шагу спотыкаясь, длинные ноги разъезжаются в стороны на обледенелой брусчатке. Городок застыл как в рождественском стеклянном шаре, где пойдет снег только если перевернуть его вверх дном; автомобили будто покрыты жировой пленкой или испариной

Целью дороги был город и она стремилась быть прямой линией. В этом и состоит первое заблуждение. Оно влечет за собой другое, еще более значительное. Но это успокаивает; по мере прохождения дорога рассеивается в своих проявлениях, которые, благодаря общности происхождения, в определенных уловках дополняют друг друга, что

не мешает им, однако, быть противодействующими и несовместимыми, таким образом дисгармония будет все больше усиливаться.

Для простоты будто передача осуществляется по прямой линии, но на самом деле одни останавливаются, а иные поворачивают назад. Ощущение часто отвлекается от самого себя.

Взбирается на бедра и сидит так, уставившись в глаза, прямо и дико, наявивая свой здоровенный член, в темноте, горят глаза и линии света на контурах тела, то ли того, то ли *этого*, от фонаря бьющего в раскрытое окно. Пожалуйста чтобы она кончила *этим* телом, кончи *этим* телом, но она не понимает. Чей этот член, мигающий в блестящей темноте, подмигивающий. Ее грудь — кусочки жира под полупрозрачной при таком свете кожей, диски, катающиеся по ребрам, чувствовать их движения. Лежа или сидя. Вверх по толстому стеблю, заманившему я запахом плоти, новым цветом, которого не было никогда. Пространство над двуспальным матрасом забито мелкими частицами: пылью, проникающей в поры, в ноздри, рты, впитывающейся в пот: откуда она идет? Провести рукой по танцующей коже, ожидая услышать знакомый шорох, не услышав его: проводил ли рукой? Здесь никого нет. Восхитительный гон, знак и запах: никого нет и никто не слышит звука, даже уши отказывают в этом чужому я *этого*: мозгу. Грудь, те внутренности, что внутри нее, становятся голосом говорящим, шипящим: выбери из *этого*, что тебе особенно лакомо. Режь, если сможешь. Острые стебли, листья — бритвенные станки для внутренностей. Говоря еще, еще, но кошмарные горы с соснами возвращаются, вклиниваются в глаза, ешь еще, но горы, горы и запахи, вдыхая полней грудью ее запах еще. Заматаются проржавевшие, покрытые гарью иглы, прямо в ноздри. Остается только вскрыть белый живот до основания груди и пить сладкий нектар вперемешку с пылью, или только сытную пыльцу если нектара не окажется

Где она? — куда ты пойдешь, туда и я пойду. Задыхаясь кружась без возможного: только собачий инстинкт

Чтобы преодолеть препятствие, нужно отвести от него взгляд и смотреть на себя. Нужен ее ник. На Меркурии нет никакого иск.ина, справочной страницы и прочих удобств, к которым можно прибегнуть, осваивая примитивную сеть, потому как здесь в сущности нет ничего, кроме сознания пользователя. Чтобы найти что бы то ни было, две системы: инстинкт и интеллект, тесно переплетенные в мерцающей деятельности нейронов, своих собственных и чьих-то чужих, животнo-незнакомых, но ощущаемых беспрестанно

в темном предмете никакое стремление к свету не может быть лишним. Каждый может убедиться в этом на собственном опыте. Меркурий — это одновременно темный предмет и препятствие для прыжка: он завораживает, требует разгадки, отвлекает. Не

нужно забывать, что он в сущности ничего из себя не представляет, кроме проекции усилия, заложенного в пользователе задолго до рождения. Меркурий — зеркало личной эволюции, эволюции для одного, для каждого. Песня кварцевых ангелов на затухающих мозгах мышей. У этого есть какой-то особый вкус, всегда чувствуешь его на кончике языка, если обратить внимание. Будто шипучка с серой. Будто бы много лет язык не чувствовал другого

Кварцевые ангелы. Ангелы секущих жил. Их тела полы и туго стянуты, будто стеганные: когда поводят черепом видишь сияние собственных костей. Обломки прозрачной множественности, различных форм и размеров, невидимые. Их тела покрыты неправильными изометричными зернами, прикосновение к которым губительно. Можно наблюдать как они плавятся в потоках щелочи, но это зрелище небезопасно. Иногда они кажутся ждущими чего-то, что вот-вот произойдет, или уже произошло. Сидел или лежал на кровати? Две фигуры уже не просто переплетены, но действительно составляют единый и общий факт. С ножом, которому поручено их разделить, ставшему свидетелем: забывшись, шепчет — *ты моя нож*

То, что еще было зрелищем мгновение назад, показывает фигуру, закрытую. На стенах или перекладинах можно обнаружить подобия фото: ярлыки, лепестки цветов, сворачивающиеся по направлению движения зарегистрированных усилий инстинкта. Отношения тел по большей части бесполезны. По большей части, т.е., до метаморфозы. Она говорит — ты нож, когда это тело или то тело, скользя в нее. Не чувствуя ни тепла, ни влаги, только растущее и продолжающееся продолжение. Волокна нашего тела прорастают через воображение, предъявляя слившимся потокам ощущений изменение

Неровная, неверная пульсация структур тлеет на блестящих боках коней. Очнувшись в комнате перед тревожно мерцающим портативным экраном, лежащим на коленях, подняв глаза и увидев Людоода, развалившегося на кровати, занятого починкой фотоаппарата. Ее ник — Синий Волк.

сцена xiii

Как должна она шуршать если бы только услышать

перед вспыхнувшим

полнолунием отбросив тени как хвост ящерица

осознанное бурение жизни

всегда дышит страхом. Каждое ощущение продергивается через этот страх как окровавленная нить шва. Воздух пахнет плохо, однако ты не можешь отказаться вдыхать. А когда чувствуешь, что-то может помешать следующему вдоху, тогда и не можешь дышать. Только не понимать — роскошь. Когда жалко себя — роскошь.

Атлетизм: только наблюдая, как сознание пробегает через материю электрическим током, а. теряются в нем и в нем же себя находят, делятся и восстанавливаются; мыслить значит воссоздаваться. Схватить его в мраке — касаться, почти его не видя. Но горизонт тотчас закрылся.

Выходит на улицу или

выходит из душа, погода не переменялась: свет заливают комнату через большое окно в спальне, где заворачивает мокрые волосы в полотенце; садится на угол кровати и чувствует головокружение, будто пьяна. Другое полотенце спадает с тела, и кожа почти сияет под солнцем, усиленным толстым стеклом. Если бы только услышать. Ее схватывает ощущение через толстое непроглядное стекло под горячим светом. Раскат грома почти осязаемо пробегает по крышам низких домов, лежащих вокруг высокого дома, в

котором она скатывается по кровати, и ускоряет процесс подключения. Она здесь, там, где ты регистрируешь ее ощущение. Ты — это пес

... темные густые заросли.

Меланхоличные заросли. Гудение насекомых. Темно-зеленый. Рои. Клубятся. Все клубится.

Кто выходит на поле, удерживая раскачивающуюся восьмеркой лопату за основание черенка? Кто знает, куда идет, и готов претерпевать лишения ради этого. Тот, кто знает, куда идет, обычно готов претерпевать лишения

Касаться во мраке, почти не видя. Схватить Дикую Кошку. Дикая Кошка.

Глаза жжет соленая влага. Прямо в комнату не здороваясь с ним и рухнуть на кровать, он разобрался со своим фотоаппаратом: новая игрушка. У него много игрушек, они остаются от детей, когда он забирает их души, так же, как забрал *эту*. Не раздеваясь проползти к центру кровати и запустить руку в джинсы, под трусы, чтобы расчесать зудящий анус, пока сидит спиной и не видит, хотя должно быть звук узнаваемый, но невозможно думать больше ни о чем. Через время вполоборота и почему-то заводит разговор о книге: — возможно ты не напишешь второй книги. А первую ты уже написал. И дальше расчесывать зад. — Ты девочка. Не забыть как он сказал. Почему? Напряжение. Грязная вечно напряженная скукоженная пизда не дает ему покоя. Его член встает далеко не всегда, а *это* тело заводится с пол-оборота. Анус выделяет собственную смазку, будто принужденный к этому постоянным раздражением; толстые матовые черные надкрыльнички прямо перед глазами жук сел на толстый лист папоротника. Слышен шорох подбирающихся ножек и скольжение капель по его необхватной спине. Все остальное затихло и дождь отдалился. Только тугое тепло; замешкавшись, пробираясь к пепельным садам, которые она видит в эту секунду.

Точнее прямо сейчас. Здесь водятся множества диких кошек.

Принуждение. Предосторожность.

Падаль, запах которой еще слышен на зеленоватой коже, привлек жука, но он пока боится нового тела. Горизонт с этой стороны закрылся так же. Может быть ненадолго

Пройдя множество брошенных черных хижин на окраине выход к обширной пустоши. Недалеко отсюда когда-то жил человек под ником Летучая Мышь, он был кем-то вроде сторожа и спал в прицепе. По ночам он вылезал из своего прицепа и стрелял из ружья в воздух над высокой травой. “Ты можешь убираться, удача!” Он кричал как обезумевший, а затем, отдышавшись, или даже нет, забирался обратно к себе и долго курил или смотрел туда, куда только что стрелял.

“Сири, сынок”. — Противно на тебя смотреть, папочка. Хочешь трахнуть ребенка, которого не осмеливаешься зачать? Хотелось бы теперь сказать тебе!... ублюдок. Что знаешь о этих чувствах?! Что знаешь о этих ощущениях?! РАЗВЕ ТЫ НЕ ВИДИШЬ ОГОНЬ НА ЭТОЙ КОЖЕ?! Ты —

отец
мертвого
сына

Толстый лист папоротника гремит над густой бездной темно-зеленого, пылающей на этом теле, извивающейся широкими спиралями и змеиными фракталами. Если ты не видишь, значит и тебя не видят, а если ты видишь, видят ли тебя? То, что произвело на тебя такое впечатление. Гнев, книжная полка, которую почти оторвал от пола, прежде чем опрокинул в твою сторону. Слишком близкая кожа почти сияет под усиленным солнцем: как ифрит. Паф! Паф! Он стреляет, а затем возвращается в прицеп, как пристыженный, прячется и смотрит туда, почти не видя,

здесь водятся только земляные белки, так что ему и некого видеть. Какие-то виды летучих мышей. Змеи. Вторично одичавшие собаки. Иногда они отвечают на выстрелы воем, иногда молчат всю ночь. Водятся ли здесь дикие кошки? Не боятся ли, что их сожрут псы?

Принуждение.

Паф.

Спустя несколько секунд был готов увидеть птицу, простершую крылья, готовую броситься в лицо

В ее лице что-то грубое, широкий подбородок, распластанные губы, большой нос, скулы острые, высокие, худоба, широкая кость будто просвечивает сквозь кожу, делая ее синеватой; волосы прямые или растрепанные, короткая юбка, одна нога встает на пути другой; она жметя будто мерзнет или ее кумарит, и вдруг улыбается, безумно, а ее глаза бешено скачут влево вправо; она густо накрашена, полушубок, широкие плечи еще шире; пишет сообщение или вышли на одной станции, она кое-что прячет под своей юбкой, в темноте, как рыба-удильщик, под фонариком; она смотрит в погасший экран, чтобы увидеть отражение лица, косящего в ее сторону, твои железы нервируют это тело, как дать понять, чтобы ты поняла изнутри, инстинктивно, как понимает любое зеркало? Эти тела всего-навсего перевалочный пункт заблудших зародышей, они не найдут дорогу, т.к. она слишком запутана, превратилась в Дикую Кошку, глодающую собственные потроха, буйство жизни, углубленное до превращения в болото, зыбучие пески работают как часы, перемалывая собственное рассредоточенное сосредоточенное тело, что вновь схлопывается в тебе, но лишь как некоторое бессилие, оседая на песке, стремительно становящемся стеклом

Спустя несколько секунд был готов увидеть птицу, простершую крылья к краю стекла. Застывшее убеждение, что где-то внутри Меркурия работа уже началась и сознание осядет на его стекле

Нехватка той коммуникации, которая есть у тела. Нет коммуникации в сети, нет коммуникации нигде. Что за коммуникация здесь присутствует? Что за чувство? Это она?

Нити марионетки вместо марионетки. Интерфейс, к которому заморожено вновь и вновь, ни к чему не отсылает, не управляя ничем, кроме организованных потоков электричества, идущих к нему через это тело; он меняет свою природу и так через него растут определения; леса, в которых водятся множества нервных импульсов, и они погружаются в серую массу сети, поэтому важно убрать с пути эти наслоения, нарушить известный порядок чувственных фактов (возможно это вообще единственный способ зарегистрировать их)

— Так как ты наращиваешь свои соединения?
Ощущать, что происходит в другой комнате, доступ к которой закрыт забытьем.
— Я, забывшись во сне

На экране только одно сообщение: у т р е н н и е с л е з ы п о к р ы в а ю т л и ц о к а к г р я з ь и з е м л я . Кто его написал, для чего и кому. Небо тревожно фосфоресцирует в тон экрану.

Небо тревожно фосфоресцирует

— Ребенка кто-то порезал чем-то. Поле лаванды устлано дисками. Жадность до игр пожирает сама себя, как зеленоглазая ведьма. Что это за чувство? Ревность? Верность? Попасть в чужое ощущение, как ступенька, которой не было за мгновение до шага, и которая не кончается, будто выпав вместе с тобой из времени.

Вонзает лопату со всей той энергией, которую нес до поля, и вырывает клубни из черного мяса, разбрасывая вокруг себя один за другим ища проводку, подключенную к нервным сетям атлетов. — З а р е г и с т р и р о в а т ь и х , небо тревожно фосфоресцирует. Почва шуршит и хлопает

под лопатой он ожидает звона слепое направление гнев и скорбь (где она?!) ночь сгущается под волной электричества след за следом раздваивая саму себя два два два два два и слышно как вопят мыслительные ангелы коды протоколирующие конфликт прямо над полем проросток бури расчесывает свои густые внутренности высвобождая статическое электричество сияя голос ломается не узнать себя

жар подбирается к белым окоемкам вихря, комкуясь, резко падая к телам и отскакивая вспять.

сцена xiv

Сумеречные шипы разрывают
тонкую цепь нейронов, связывавших слайды в подобия причин
визжащей струей бьет из бачка разбитого унитаза.
вода тонкой

Ребенок фантазии быстр.
Рожденный Меркурием замечает все свои действия

Она встает под душ, забыв о том, что горячую воду по ночам перекрывают, и пускает на свое расслабленное взбудораженное угнетенное тело потоки почти ледяной воды. Она смывает то, что могло бы остаться от дневной полезной деятельности. Она замечает все свои действия в отдалении, промывает волосы, не чувствуя холода, только соскабливает грязь с кожи, не подверженной пилоэрекции. Только короткие изменения в радиусе зрачка маркируют отсутствие обычных реакций. Или отсутствие таких изменений.

П е с слыша те же звуки заходя в туалет
К ощущениям
атлет находит доступ задним числом, восстанавливая новое ощущение по ряду его внешних слепков, наиболее схожих с тем, что уже ощущалось. Так крупницы нового ощущения, попадая в эту схему, превосходят ее и дают атлету живое представление о себе, в то же время оставляя ему жизнь и личность

Дитя Мерк
урия выходит за границы самого нового, всегда несоизмеримого с ней, неделимого

Ослабь напряжение, прерви усилие; ты не мог бы впасть в окончательную пассивность, как и стать абсолютно свободным. Что ты, кроме

мгновенности? — Расслабься, это не галлюцинация: сеть сплетается и расплетается, оплетая и высвобождая растущее; ребенок с серебряными рогами, сплетающимися и расплетающимися высоко над ее головой, так тело силится выскользнуть через один орган

стоя перед унитазом, силясь попасть струей в лунку, придерживая свой мочеиспускательный прибор двумя пальцами. Другой ладонью протирая лицо, пытаюсь вернуться к реальности, которая будто не замечает

прямо сейчас. Это не галлюцинация. Никто не смог бы удержать в сознании геологические узоры Земли, не достигнув ее скорости как плотности: распинают на кресте и переворачивают головой к земле и должна висеть так ровно двадцать одну секунду — это сон, только сон — что это за сон? ЧТО ЭТО ЗА СОН это ее сон

бесконечно растущие белесые ветви снизу придерживают пальцы, сложенные как куриные лапки: иней на ветках?

Жухлый ковер листвы, шевелящийся у дороги, сотни невидимых животных шуршат в нем. Какое сейчас время года? Здесь водятся земляные белки? Выскивая глазами, но не находя

геологические структуры могут пульсировать в телах, бесконечно растущие перед сетью

увидев свое лицо в камере в объективе не в силах описать себе то, что увидел: рот скован открыт распахнут радиацией мощного ускорения; листая блестящие ламинированные списки в поисках никнеймов будто имена носят ответ; рыдающий несущийся к беспричинности буравящий дыру назад в затылок; расфокус, крен, дыбь, хлесткий удар войлочным шнуром, прутья, раскиданные позади мчащейся тени

опыт быстро наносится на тело. Тонкая прозрачная ткань, впивающаяся в морщины. Дзина предложила форму исповедальни. Замкнутый круг жгучего красного. — Что ты наговорил на нее? Два жгучих вверху. Жжет губы. Молитва занята телом. — Вас ждут.

— Вас ждут, это не просто посидеть комната.

Фигура в красном свете.
Как долго можно исповедоваться? Никакого уважения у этих ублюдков.

После лекции о снах зануда-Эриль предлагает присутствующим опробовать его метод и поделиться своим сном. — Была наказана.

Была наказана и распята.

Была наказана, распята, а крест перевернут.

Ровно двадцать одну секунду.

мое число двадцать один.

Была наказана.

Эриль что-то объясняет о влечении к отцу или матери о символике креста. Что он наговаривает на нее? — Ты понимаешь? — Я не веду отчет.

В фойе перехватывает толстощекий паренек с зияющим красным прыщом на правой скуле (или левой?) — Вам о чем-нибудь говорит имя Петр?

Несправедливое наказание. Уроки окончены. Больше никакого пения. Так сказав ему придя попрощаться. Так и не простившись с ним, просто и сказав *больше никакого пения*. Не ожидая, что он будет так ошеломлен. Небо изменило цвет. Затем еще раз. — Висев вниз головой и слезы покрывали лицо как грязь и земля. Волосы. Утро. Затем еще раз.

Какой длины были тогда волосы? Длинноволосая педовка? И как ему не противно: повиснув над пахом, он нежно выуживал мандовошек из чужих пепельных зарослей. Собственная физиология вызывала стыд, но как восхитительно приятен был процесс! Гигантский нежнейший. Белый колосс. Стричься для него, чтобы придать себе мужественный вид выбрить себе риджбек. Ему это понравилось перестал дразнить каким-то поп-певцом.

Сказав ему *больше никакого пения* смутившись его реакции (он побледнел) броситься прочь. Уйдя в кухню захотев выпить не хотелось смотреть на него такого почти как в тот раз ночью у холодильника открыв шкаф и найдя там аккуратный сверток фольги запихав его в карман бросив туда же маленькую бутылочку коньяка стоявшую на столе и выбежать из дома.

Полночи сидев на автобусной остановке и нюхав мет из свертка, иногда делая глоток из бутылочки. Не зная, чего ждать, не зная, куда идти. Раз в полчаса проезжал ночной автобус. В седьмой по счету сев. “Как у вас дела?” спросить у неизвестного сидел на заднем сидении борясь со сном. “Пациент скорее жив, чем мертв”. подумав: до чего точно, сесть и усталился на плывущую дорогу через лобовое стекло. Решить, что больше нельзя петь, потому что не видно того, что исходит из тела, когда открывается рот: пев, но не слышав того, что на самом деле покидало тело, а запись рождала мучительную мысль, что это не оно. Невыносимо. Больше не брать уроки пения у Людоеда. Решено. Ощущения всегда возвращаются в том же виде, всегда можно указать на них пальцем, хотя назвать конечно нет. Сумеречные шипы разрывают дорогу, кружащуюся в зрачках. Фары с той стороны дороги. Дорога кружит и тлеет в тенях. Несправедливое наказание. Неисправимое наказание.

Окружай все, что прислушивается. Зеркальный путь разворачивается под подошвами как ожившая расходящаяся грибница фольги, пускающая свои метастазы в тень, сжимающую тени. Вещи теней. Голос, который не мог обнаружить в момент рождения, в корнях эхолокации, не регистрируемый, оставял в центре, бросал его, в выеденном направлении, перед опустошенными губами, отставшими, как след от движения, взгляд внутрь тупика; взгляд внутрь окна; напряжение, разрешенное напряжение усиливается, спадая на одном уровне, нарастая на другом, истощающая дистрофия реальности и рождаемая ею совершенная координация

Координация, не позволявшая говорить, даже отправлять команды собственным телам, застывшим где-то на другом конце мозга, бесполезным и беспомощным, как льдины, несомые течением к экватору. Тормоша руками воздух в поисках Птицы, прежде чем снова открыть глаза. Сломанные зрачки, не меняющие радиус. Перед ними мост, изорванный светом фар, горящих с той стороны. Смердит. Поток свежего воздуха. Не видят теней, сдавливаемых, но следящих за их движениями. На той стороне они найдут то, что ищут. Найдут? То? Движения соскабливают снег открывая белое

Белое на глазу. белое пятно, похожее на родинку. Это не мешает тебе видеть здесь. Только там... где ты так мало что контролируешь. Утро, на белой земле лежит снег. Слезы, которые как грязь и земля, медленно погребают тебя под зрением. Знаешь, через двадцать одну секунду ты сможешь видеть только Меркурий. Голос надломился как ветка когда попытался сообщить это одному из нас. Каждая точка на видимом пространстве Меркурия — тень тени, а... — единственный свидетель своего опыта.

сцена xv

...единственный свидетель своего опыта. Тоже что греза. Все отодвинуто, отдалено назад. Прорезая путь через знакомые образы как через тропический лес используя широкий нож. Лес не принадлежит тексту, лесу никто не принадлежит. Ни одного имени нет в лесу. Имена — коварные плоды, черные плоды, которые можно найти глубоко в лесу. Значит в лесу водятся имена? Да, но найти их будет нелегко. Здесь нет места изумрудным интеллекта; когда выходил из леса, открывал огонь по белкам, которые только здесь и водились. Здесь, а не в лесу. В лесу не водятся земляных белок. В лесу видно птиц. Тысячи видов! Всех цветов! Летучие лисицы, бородавочники, дикие кошки. Не важно, насколько глубоко зашел, пути назад нет.

Воображение само подсказывает рукам, как двигать ножом, срезая листья, мешающие пути. Это руки двигаются в лесу, срезая побеги сияющих цветами витрин, ударов, звуков; внутри ветвей. Такова особенность этой сцены, но не важно, насколько глубоко зашел, сцена за сценой, пути назад нет, а с этого пути, с этой сцены сойти нельзя.

Солнце постепенно исчезает и наступает ночь.

Разрушаю щаяся среда. Очень многое разрушится через несколько мгновений. Но кое-что останется. — Что ты смотрел?... Следила за движениями зрачков. Ощущение — это сияние чистого превращения. Чудовищный холод. Наклонившись поднять стульчак и ударившись головой о стену: пространство, связанное с этим телом рвется и больше не существует родов, рядов последовательностей; створки окна расширяются, множатся, заливаются золотом, обрастают гранями, становятся

сотами, вскармливающими движение зрачка, копошащегося в меду. Ощущение подобно цветку, его нельзя описать, можно лишь увидеть. Это ничего не репрезентирует. Можно описать только его эффекты, но они никогда не связаны с ним непосредственно. Ощущение это определенно не вещь и не событие. Процесс ощущения это не наблюдение, скорее расширение. Они тонут в своих видениях и из тел их льется влага. Оговорки сна расширяются

Сверля взглядом наконец выдав ответ на свой вопрос: — this is set. И замолчав так, красно-коричневое лицо, будто охватило смущение. Стал распространяться о своем дяде, который гораздо лучше разбирается в этом деле. Но к дяде не пошли.

Луч красного солнца на теле.
Луч солнца падает на красного Пса. Смесь тел. След. Солнце отдалено примерно на шестьдесят метров.

Это не способ солнца. Это ничего не говорит о способе солнца. Никак не привыкнуть к его сложности. Как далеко оно от этой мрази?... Птица? Ощущение охватывает природу солнца, но идет дальше, дальше тел, ничего не репрезентируя. За следами. Гораздо ниже. По выжженной дороге до солнца остается меньше шестидесяти метров. По обжаренному щебню. Столкновение.

Скульптура: пока не обойдешь вокруг, она не оживет. Сверх того, только тогда оживает тело: ощущение определяет тело и только тогда тело проявится, когда обойдешь ощущение. На Меркурии способность ощущать стремится выйти за рамки самой себя. Для того, чья способность ощущать пытается выйти за всякие рамки, нет ничего хорошего. То, что хорошо для мрази, не обязательно хорошо для человека... Забыл о Птице. Затем обернулся к нему. Солнце играет на оперении его зрачков. Все, чего хочется, вернуться к ее ощущению.

— Каждый день вещи будут меняться. Ремень, на котором висит экран-регистратор, натирает шею и лопатки. Сильный ветер образует непрерывное покрывало, заполняя неподвижный слайд; сдерживая себя над неподвижностью.

Итак, мощный и тихий ветер. Колеблемый солнцем, поднимающимся снизу. И во всем этом — непрерывное нанизывание ощущений, и каждая реакция отсылает к другим реакциям, а каждая регистрация к уже зарегистрированному. Сеть движется внутрь себя, все усложняя узор.

Каждый день проезжать под колоссами Москва-Сити и слышать, как они стоят. Как шумят машины, перемещающие из одного места в

другое! Когда покидаешь Меркурий, долго приходится привыкать к чудовищному звуку работы грубых механизмов, организующих существование мира. Звук перемещения на Меркурии — это самый тонкий и незаметный звук, такой же незаметный и тонкий, как само перемещение со слайда на слайд.

Наша воля уже совершала это. Но как оно могло быть чем-то другим?

В витрине идет дождь, некуда идти здесь. Чем занимавшись тогда? Шарахаясь в метро и обходя знакомые станции кругами в поисках знакомого лица, только надеясь, что появится кто-то и жизнь изменится. И сейчас хочется, чтобы появился кто-нибудь и раздавил то, что мучит как жука. Отрицание — это подмена, так что. Однако многие бежали на Меркурий от чего-то конкретного или от каких-то страхов, которые, однако, так же конкретны. Под тем, от чего было что-то другое, но этого не видел, бежав, бежав. Другой порядок вещей. Призраки этих двух подменяющих друг друга порядков и сейчас, здесь, под землей. Что мертвые могут, известно... но только здесь, потому что в пустом пространстве нечего имитировать.

Когда не играл с грязью, не поедал тьму?

Если метод становится тьмой, то ты не подражаешь, а воплощаешь. Друг сказал: бывает развитие через уменьшение. Одним словом, падение — это все то, что развивается. Главное не упасть как он.

В какой-то момент все вокруг стали пугаться как от фрика. Наверняка они чувствовали одиночество. Красота была, но они не терпят одиночества. Даже те, с кем проводили ночь. Синяки на ногах все отчетливее, прятать их

В иллюзорном тумане, сгустившемся перед глазами удержали переходящие руки нежно, в миниатюрной вечности. Никого рядом. Скалы, холмы, имена.

сцена xvi

Тяжелые листья папоротников приближаются друг к другу, когда начинается дождь. Из потных ладоней выскользывают ножи. — Держи крепче. Каждый день вещи будут меняться. Кожа шуршит, жир под ней подрагивает. Сидит на корточках сжимая в руке маленький нож и поглядывает в разные стороны тревожно. Это ее секс; она сжимает ладонью свое бедро. Эба произносит: — я явлен лик змеи. И по коже пробегают мурашки. — Если смысл знака в возможности, то ощущение предстоит ему. Оно направлено в пространство, деформирующееся постоянно. Понять или почувствовать, к чему это пространство стремится, нельзя, но ощущение — часть пространства и все его возможности реализуются вне выделенной тотальности. Они бессчетны. — Однако, есть еще кое-что. Это локальная тотальность, которую Летучая Мышь не учитывал. За ее пределами обрывается интуиция. Разрушающаяся среда. Очень многое рушится. Эба следит за реакциями зрачков Пса и Птицы. Исчезают длины, исчезают одно за другим измерения, обесмысливаются понятия большого и малого. Но кое-что остается. Мягкость пространства. Искривление. Оставшись в одиночестве, то, что осталось, склеивает и самопоедает. — Ты слышишь, потому что я говорю тебе. Я рассказываю тебе сказку. Или сон. Твой сон. Я в твоём сне нет. Ты не найдешь место, которое ищешь, не потому что оно далеко. Напиши первую букву имени в кольцо линии. Густой зеленый туман, порожденный разностью, сгущается вокруг, оставляя следы движения зрачков. Все, что было цельным над и вокруг, рассыпается под ними бесконечно. Предприняв попытку, лишь приблизившись к кольцу, обнаружил кишашую в спектрах волю соединиться обратно. Оно склеивается и самопоедает. Насильственный процесс рассыпания никуда не делся когда П т и ц а видя это П е с полностью заморожен волей

пространства. Эба переводит взгляд с одного на другого, поглядывая в разные стороны тревожно. — Ты можешь только использовать нож. — Сири, ты ведешь себя изолированно. Измерения очень маленькие и появляются только по необходимости. Два измерения коснувшись друг друга соскальзывают. Коммутатор здесь ноль. Он лежит здесь. Тяжелый и теплый. Черный под листьями среди мокрой почвы. Интуиции сшиваются на мгновение: сказать о неobjекте через объект можно только так, увидев перед собой, прямо здесь, точно зная, что то, что видишь, не является объектом. Гром под напряженными листьями. Порождающее выглядит ужасно, цветы, касаясь друг друга, разрушают конструкции, Эба — самораздавленная структура мысли — проводник в нейролес. Она построена очень логично. — Смотри не на количество, а на тип отсутствия. У тебя есть шанс разглядеть узор, если ты будешь внимательным к нестабильным пределам. — К пределам нестабильности. Когда просыпаются спектры, начинается регистрация. Так тождественны все искомые копии и ты наконец приходишь к чему-то обозримому. Так скучав по этому! Выйти из комбинаторного пятна под сеть. Так тосковав по ней. По томящей скованности связей. Алфавит возвращается на мгновение. Он другой. Не получается разглядеть отличие в бесконечно тянущихся потоках гласных и согласных. — У тебя есть один лист и через него ты наконец можешь увидеть деформирующееся. Каждый вывод об устройстве какой-либо буквы влечет новый взгляд, ведущий в пространство. это первый бесконечный спектральный лист. Свободный выход в соседнюю комнату, которая может быть чем угодно. На следующий день ты сможешь сложить буквы друг с другом и найдешь слова. На следующий день ты сложишь слова и найдешь предложения. На следующий день ты сложишь предложения и найдешь текст. Сложив тексты, ты найдешь цвета. Каждый цвет — это количество гласных или согласных в слове. Так ты найдешь тропу, ведущую из леса. Плоды, которые ты встретишь в лесу, не ешь, они не съедобны. А иные из них ядовиты — могут ослабить тебя или убить. Те, что растут на земле, одурманят тебя и заставят блуждать вечно. Если ты все же не выдержишь многодневного голода надкусишь один из плодов, ты заметишь, что он остался цел. Ничто не поедает их. Лес хищен и съесть себя самым быстрым способом ему не дают только цвета, которые ты нашел. Он должен считаться с ними, но не видит их. Так же, как ты пока что не видишь тропы. Или так же, как ты никогда не увидишь роста. Лес хочет вернуться к своему началу, ему удастся приблизиться только тогда, когда цвета совпадают. То, что совпало, уже съедено, не сомневайся. — Летучая Мышь искал выход из леса девять лет. — Он очень изменился после возвращения. — Нет, он совсем не изменился. на мгновение он увидел рост. Пей бульон на костях, он позволит тебе продержаться. Ни у кого не бери денег. Когда дойдешь до края, увидишь, что лес жидок. Контролировать его потоки значит контролировать лист. — 0,4, (0), (1), 3, 8, 1,13, 6, 11, (16), выходит 3. Однако, контролировать его потоки можно

только изнутри. Это то, что нужно знать сразу. Лучше всего оставайся на уровне цветов. — Подробнее про механизм! — охрипший сдавленный голос вопрошает. — Про механизм хищности? — Да, движущая сила...

П т и ц а почувствовал, о чем идет речь: периферия пребывания оставила холодное пятно хищности на сознании, и новый орган, познающий эту интенцию, растет посреди лба. Орган открывает хозяина, однако ощущение слишком туманно: *нечто* его открывает, то или другое совпадает прямо сейчас тут и там и, конечно, исчезает. Пришел вовремя к своему опозданию. Утешит ли это здесь, у реки, там, где никогда не найдут, потому что уже ушел. Движущая сила — это опоздание. *Где бы ты ни был, только теперь вижу тебя.* Где бы ты ни был, тот, кто ищет тебя, слышит тебя и чувствует твой запах. Так он никогда тебя не найдет и так вы обретете дружбу. Пытаясь идти по следам соскользнет в них. — Нет, нет! Что-то забыл. — Так просто касается ласка. В какой-то момент тебе становится плохо, ты боишься, что перестал видеть, но на самом деле ты просто забыл. Стекло само по себе, своя комната, шелковичный червь, покров манго. Кожица, тонкий слой жидкости под ней. Экран.

Бесконечный лист ни свет ни тьма. Не сводится к единому и, соответственно, не разделяется. Кажется насилием, потому что хочешь разделить себя ради единого. Разве не видишь, что лист горит?

Открыть дверь в собственную комнату, чтобы понять, что случилось: только так, глядеть на неизменяемое безвольное множество, которому только ты назначаешь контуры, когда неожиданно за окном проносится вой сирены и вещи в комнате поплыли и тают. Они больше не остановятся — никогда не оглядывайся

— Это я...

слышишь?... У меня такое чувство, будто я что-то забыла..

сцена xvii

Последний день апреля тонкая завязь запаха тепла и нагретого асфальта. Выйдя из автобуса все еще бодро, но уже с провалами в памяти, открывающимися в улице тут и там как чпокающие сосуды, заполненные ничем. Фольга в кармане: пожимая ее, перетирая в ладони надо бы выкинуть. Усталость путает дорогу, лишает ее имени, навешенного городскими службами: не в силах найти дорожные указатели. Странное металлическое щебетание; остановившись у деревьев куда-то вверх. Где-то выходит Солнце, еще медленно, заметно ускоряясь; звуки усиливаются, нарастают, срываются с цепи, все более металлические, электронные, ломкие, переламывающиеся, сверху, призывные тонко как сеть. Волна сознания: несколько птиц, крылья тут и там между листьев. Что это? Зяблики? Ничего про птиц, горло белое. Через ясную волну сознания просачивается то, что до: звуки снова усиливаются, на момент берет сомнение, потом уходит, растворившись в усилении звука. Звук из звенев, что почти поджигаются одно об другое. Замерев слишком надолго, медленно проезжающее авто останавливается, синее, кажется, вот еще блядь... слишком поздно заметив, что какое-то время глаза были уставлены прямо в центр сияющего фонаря, ослепшие в боли опустив вниз, щурясь, приоткрылась дверь, смотрят, не разглядеть что и кто. Хлопает. Вышли. Шаги. “Эээ...” — Пытается обратиться, не может только сообразить как именно. Решает, выбирает как вернее, не полностью уверенный: “молодой человек”. Все еще не различить; сколько смотрев на ебанный фонарь? Щурясь, отшатнувшись назад, рука на локте сильное сжатие. — Держи его. Документы посмотри. — Шманай давай! Анфас открывается лицо проясняется, что-то мямля прямо в лицо: — Просто должны были забрать (*накидывается хочется спать*) ожидание понимаете у... ничего нет должны забрать на машине видите вам... извините там это уже

подъедет за... должны были не успел уйти опоздал должны забрать. Смеются: “Да он же уебанный!” Язык прикусил. Мысли переминаются слева направо все не в тему. “Что это у тебя здесь?” Щупают экран. “Дайте ваш планшет” — неожиданно почти ясно — “Чего?” — не понимают — “Зайдите в сеть” — “Чего еще?” — смотрят серьезно. Глядя серьезно в ответ. Один достает. Буквы слишком близко, набрать, не ощущая пальцы, никнейм. Загружается и сбоку давит нервный смешок: “Да ну?!” Остальные молчат потупив в экранчик. Узор увлекает прямо в гаджет, даже на таком оборудовании их застает врасплох. Никогда наверное не встречали атлетов вот так на улице даже не по долгу службы. Этот отпускает руку почувствовав что запоздал. Уходят. Звук птицы усиливается. Забыв уже кому принадлежит звук. Просто звук. Волна страха: испуг ретроспективно, что могли обнаружить фольгу с крохами, ощупал карманы, но фольги нет.

Боль в груди, нужно присесть, лавочки. Там за забором. Обходя медленно какая-то сторожка. Такие эффекты обычное дело после долгого пребывания на Меркурии, диссоциация. Сила депривации зависит от времени, количества и интенсивности ощущений. Может и совсем вынести из реальности. Накладываются бессонная ночь, мет, могут быть различные эффекты.

Открыв глаза, поставить бокал на стойку. Почти неменяемый бармен меняет несколько недовольных масок и уходит, выключив лампы над баром, темнота навязывает оглядеться: в полутемноте (свет фонарей проникает из-за окон) три человека на диванах вокруг низкого столика, девушка сидит на спинке дивана, что спиной к залу, две на диване в зале, одна освещенная улицей на подоконнике обособленно. — “Где Дик?” — “Я притащила ее с улицы” — выдыхая дым: — “Она прикидывается” — “Нет, перебрала. Ты что! Я тащила ее на себе” — “Да нет, я же видел ее, не обращай внимания, она трезва” — “Она только что блевала в туалете” — “Это от страха”

Дик? Это имя? Или сокращение? Совсем еще молодые, но не похоже, чтобы субкультурная шпана. Никнейм? Девушка усматривает кого-то в черном дверном проходе, вскакивает, ровным широким шагом быстро идет туда, где силуэт исчез. Тот на диване смеется. Нервно, достаточно. Действительно ли? Оборачивается на диване так, что из всего черно-синего силуэта свет фонаря высвечивает несколько линий носа. Линии-нос блеснули еще дважды. Ну и что? Это не решает ни одну из проблем! — Другой мысли, брошенной в черноте — результат будет выглядеть как обыкновенная окружность. Беспокойный сон. Только стук бокалов о стол, несколько глотков, глубокий вдох дыма. — “Давайте сюда, посмотрим что у нее там!” — толстый переваливается через стол, хватает бумажный пакет. Вскрывает упаковку. — “Мм. Бургер!” — Жадно откусывает. С шумом запыхавшаяся возвращается тем же шагом. Слишком

ровный. Не модель, разумеется. Подобное как со зрачками. Может быть. — “Ей нужна еда!” Сует бургер обратно. — “Зачем ей еда?” — “Она хочет есть!” — “Что у нее там?” — перетряхивает пакет. — “Цезарь — о! — ладно, отдай ей бургер, оставь цезарь” — “Хорошо” — после манипуляций выскакивает, возвращается за ее курткой, скорее топая сильнее, чем ускорившись. Снова уходит, победоносно замедлившись. Восьминутное молчание, стуки, глотки, вдохи. Линии-щеки и линии-носы. Не могут быть детишки такими медленными. Скорость практикующих постоянно меняется и никогда не в норме. Потом спасают транки, дудка и шпек, но сперва лучше перетерпеть, а то собьется на выходе еще жутче. Когда медленно стимуляторы ни за что: память тает как мороженое в микроволновке. — “Так что у вас с *Плутоном*?” — подтверждение прозвучало *очень* громко. — “Заказали начертить на потолке восхождение Плутона. Три ночи ебалась с чертежом функции, поправки на кривизну потолка, ну, блять, никто ничего не поймет, результат будет выглядеть как обыкновенная окружность!” — это уже где-то звучало. — “Зачем мне с этим ебаться если я могла бы просто подключиться к Мерку. Ты знаешь.” — “Какие условия?” — “Три месяца тарифа.” — “Не дурно?” — “Не для *pussy cunt*, например?” — “У дик пять в топе” — замолчала откинувшись обратно на спинку смотреть вверх. — “Я слышал она получила четыреста тысяч чистого процента за свое последнее ощущение.” — “Ну и глянь на нее теперь” — хрипло, не поднимая головы — “Блюет в толчке, пока ты точишь ее жратву. Она пару часов как вышла, завтра у нее из всех нервных реакций останется дежавю до конца ее дней” — вдруг откликнулась с соседнего кресла: — “Ну ей хотя бы не приходится неделями колымить для Плутона. Кажется они платят ей за ее развлечения” — и другая: — “Если бы это ее развлекало” — “Так что они думают она хороший атлет?” — “У тебя есть сомнения?” — “У нее от мозгов ничего не осталось” — “Ну как полагается” — “То, что доктор прописал?” Бармен не возвращается и темнота очевидно для *своих*. Бряцают вином, распространяют едкий запах шишек. Но слишком замедлившись, прямо за стойкой перед пустым давно бокалом. Из-за этих мыслей (неуместность?) в голову лезут письма жены Людоеда *мне*

... Кажется ты не видишь меня. Я хочу открывать его в том числе в глубинной сексуальности, промискуитет не вписывается в мое энергетическое развитие. Пожалуйста не препятствуй нашему разводу.

Старая сука решила, что у него бабы, из-за того что нашла тампоны. Дерьмо. Ублюдочная кровь шла много лет как по часам, не смотря ни на что. Погрузившись с головой в Меркурий циклы сильно замедлились и после первого месяца казалось найдено спасение, а потом просто забывая об этом даже когда снова потекло через три месяца. Три-четыре раза в год все равно кровотока, но чаще всего просто забывая об этом, тампоны — только когда надолго вне (но не более чем на четыре-пять дней разумеется). Оставаясь

у него нельзя же же заляпать дорогие его (ее) сердцу иранские ковры. Она думает его ученик по вокалу, никогда не подумает, что такой милый мальчик принес в дом заразу, подслеповатая, думает просто шестнадцать. Неделями и месяцами она уезжала в ретриты: покхар, пенанг etc. и слала ему фотографии, которые смотрели в четыре глаза: вот она стоит на фоне курящегося вулкана на каком-то острове среди улыбающихся монахов. Двадцать пять лет с человеком и не знать, что он не может терпеть женскую грудь.

Приступ боли переждать в таком состоянии достаточно трудно, особенно если она имеет не внешний характер (такую наоборот не замечаешь), а боль изнутри организма, не когда нужно *справиться* и организм будучи уже на нуле в кататоническом экстазе помогает, а когда он сам изнутри говорит: все, пора кончать, и на что он теперь готов пойти, не знаешь: может ему надоела индифферентность постоянно грезящего сознания? Если сердечко откажет прямо сейчас на этой лавочке, милые твоему [сознанию] ощущения кончатся. Или нет. Эти — кончатся. Надо встать и идти, вот что

В конце концов предельно ясно, что оказавшись во внутренностях кожи, прикосновение к которой — ощущение, уже никогда не окажешься снаружи. Прощупывая зашифрованную перевязанную констатацию снятия кожи или скальпа, ощущение, которое еще не дошло до отдаленных глубин кожи, в которые вошли. Еще с порога, с учащенным дыханием, чувствуя вдруг собственный отяжелевший запах, едва не падая с ног, выпалив ему *уроков больше не будет* и тогда не в силах объяснить почему, просто ожог нашел такой выход запузыриться,

что привело к дверям *Плутона*: забегаловки для хипстеров на первый взгляд и, при ближайшем знакомстве, гигантской корпорации под курированием Mirror Worlds Inc. (когда-то компанией, положившей весь мир в кроличью коробку сети интернет, а затем ставшей той правой рукой левиафана Mercury, которой он запихал эту коробку в собственное чрево) (изящная система Меркурия состоит на деле из подобных неприглядных галерей, подвалов, притонов и переоборудованных фабрик, забитых атлетами полурабами (или да даже рабами кое-где); все дело в твоём счете в начале карьеры и прозорливости впоследствии, из нескольких десятков более или менее легальных точек, где атлеты проводят практически всю свою жизнь, текут информационные потоки зашифрованных и сырых ощущений на нейронные сервера в Меркурий-Сити-Тауэр, а оттуда, освежаванные и сконцентрированные, сливаясь с потоками со всех точек мира, на главный [мифический] сервер по слухам где-то в Алжире; там он или нет, но все эти точки курирует Mirror Worlds, дети полубессмертного Гелернтера, о котором ничего не известно с двадцатых годов (иногда даже жаль, что он *недовзорвался*):

усеченный эллипс, стянутый кверху, на каждом балкончике три аккуратненькие колонны и по деревцу, идеально выстриженному в сферу и посаженному в уебищный горшок, похожий на гигантский стаканчик мороженого. Плутон — один из трех самых влиятельных коммерческих центров атлетизма в Москве (другие — *Дом Колонистов* и *Забавная мысль*). Начался сильный тремор в конечностях: Нет? Надо зайти внутрь. Стеклопанные двери кружатся и хлопают как оперение.

— Сегодня проснулась и у меня было такое чувство, когда я вышла на кухню, что вошла в пространство из совершенно другого... из совершенно другого пространства, понимаешь? — О да! — Я чувствовала, как мое сознание обретает форму как голова новорожденного — О да!... Недавно произошло странное. Знаешь, ведь ткани во время формирования плода заворачиваются внутрь и из них формируется нервная система. Я только из бассейна, количество воды имеет значение. Она замечает все свои действия в отдалении, просушивает волосы, не замечая ни холода, ни тепла, только стирает капли с кожи, не подверженной пилоэрекции. Только короткие изменения в радиусе зрачка маркируют отсутствие обычных реакций. Или отсутствие таких изменений. — Что произошло если конкретнее? — Знаешь, пару дней назад мне написал Полевая Мышь и вдруг сказал, что он хочет организовать сет из серии *сопротивление ощущения* со мной и Дикой Кошкой. *Очень громко.*

Вот сука! У той, что предвещала *Дик* дежавю на оставшиеся дни, начался тремор. Для нее это было тоже *громковато*. Но молчит, а толстый: — Ты брешешь! Или Пол поехал уже? Но он говорит это добродушно и сука улыбается. Не справляясь с правой рукой, предвестница спрашивает хотя бы чтоб голос не дрожал: — сколько у тебя в топе? — Два в расширенном. А у тебя? Улыбаясь. Та молчит и кажется, от белизны, охватившей ее кожу, сама скоро начнет светить: — как мне подобраться к этой милой и упрямой цыпочке? Похихикивают.

— Если у вас нет уверенности, что ваше тестирование способно приносить хоть какие-то плоды, я бы советовала вам сразу же начать с альтернативной методики. — О, спасибо! — Вы думаете, что это наши люди извращают детей? — Простите, я ничего не говорил о вашем довольно приятном, — некто в штатском многозначительно оглядел высокий полог Плутона, глубоко вдохнув одной ноздрей, — заведении... На первый взгляд... Я говорю о чем-то куда более глобальном, вы меня понимаете? Когда-то бывал здесь частым гостем, пока решительно не ушел в частную практику, так что директорка Плутона отлично знакома: худая женщина с короткими рыжими волосами и она была действительно не в духе: прибывший человек был еще одним звоночком о том, что время абсолютной свободы и вседозволенности для адептов Меркурия, по крайней мере на местах, закончилось и началась повсеместная реакция. Этого следовало

ожидать: Меркурий правит в планетарном масштабе уже почти восемнадцать лет. Возможно ли чтобы новое поколение не хотело ускоряться? Почему нет? Меланхоличные мысли стали удовлетворять, будто запоздалое осознание периферийности своего места. А что если эпоха ощущений заканчивается? Господин в штатском, дотрагиваясь до своего носа и сутулясь, не теряя самоуверенности, ведет речь напористо: мы провели исследование и обнаружилась такая информация, неутешительная, что во многих и многих центрах так называемого *атлетизма* используется незаконный труд, никем не контролируемый. Ну, — многозначительно — дети... вы понимаете? Я даже не говорю о том, что ваша деятельность творит с детьми, сидящими целыми сутками у своих *экранов*, я говорю о детях, которых принуждают работать, подсаживают на это, вы понимаете? — Только теперь он обратил внимание на ее беспристрастное, если не высокомерное, выражение. — Я не говорю, что это происходит у вас, здесь, я лишь ревизор, понимаете, я ответственен за проверки... Я стараюсь быть совершенно беспристрастным, вы понимаете?... А что касается теста... его уже проверяли наши заграничные коллеги, из Берлина. Он работает. Дело лишь в том, чтобы узнать, как эта работа, назовем ее так, влияет на социальную жизнь человека. Мы же говорим о людях, верно? Тошнота подступает куда-то в самый центр груди, презрение идет вверх от солнечного сплетения, и не то чтобы к этому хмырю конкретно. Мысли только о том, как бы вернуться назад, голова все еще слишком ватная для *этого* мира. Впрочем, одна точка зрения, что мир один и Меркурий — это только более глубокий или, может быть, вынесенный куда-то уровень. Иные говорят, что пророчество продолжается или воскресло... О появлении Машиаха... Столько людей, потерявших внимание, казавшееся им очевидным и заслуженным, всеми силами пытаются его вернуть. Мы больше не живем в экономике внимания, по крайней мере в ней установилась жесткая и беспрецедентная монополия, контролировать которую некому. — Не более чем мельчайшие кодовые изменения антигена в иммунной системе, не более чем опыт стресса... — Вы думаете об устройстве мира до тех пор, пока позволяете себе забыть о страдании другого. Две юные женщины в цветастых летних платьях примостились в уголке: кажется, преследует необъяснимое что-то. Вот подумай, в клинике осознала болезнь. Потом в стационаре умерла кошка. Потом когда приехала сюда на море, начался шторм, и на берег выбросило какие-то неизвестные организмы

Вода больше не поднялась так высоко и они остались лежать на камнях, и все время, что тут нахожусь, осознаю гниение. Запах повсюду и видимо уйдет, когда уеду. — Где я? — Когда ты вспоминаешь о них, они улечиваются, или появляются в другом качестве. — Сразу вспомнила: цвет волны ассоциировался у героя с предсмертной рвотой его матери...

— Вяжите веревками!... Привяжите к чему-нибудь!... Режьте левую ногу! — Такт. — Изуродуйте лицо чтобы спрятать! И главное зашейте глаза черными нитками. Черными! Сукикозлы!... Уебкихуесосы! — Что случилось? — С цепи сорвалась! Прыгала на всех! — Ты напилась? — Да при чем здесь?! Не покупала себе ничего! Вливали эти хуесосы! Ты все объясняешь?... Что же делать чтоже делатьчтожеделать?! — Дик, успокойся... — С цепи сорвалась! Какие они суки! Смотрела на них так, посылала их на хуй!... Они обступили, вокруг образовался вакуум. — Кто они? — Съебывайся, сученок!

— Была какая-то баба из Рязани, которая говорила, что Фрейд изменил ее жизнь, и говорила об этих граммах, хотела бы лучше овладеть этой методой, чтобы стать более лучшим аналитиком. Граммы представляли собой примитивные ограничения ощущений, выстроенные по мнемоническим аналогиям, от фигур замороженной воды к фигурам пламени, которое должно тебя согреть. — Так и сказала ей, это не имеет ничего общего с Фрейдом. Не надо путать свободные ассоциации Фрейда и делирий Юнга. Как ненавижу эти конференции! — Ну конечно они никак не помогают в рецепции ощущений. — А Эриль слушал ее и кивал *ви ви*. Конечно такой человек, как он, легко может вызвать проекцию у какой-нибудь бабы из Рязани! Другая засмеялась: — Что за лютый шовинизм! Задумалась, сколько это будет продолжаться, показалось бесконечно и нахлынул страх. — Спросила его, мсье Эриль, вы любите искусство? Заходящийся смех. Усталые глаза в шершавой бритой голове пытается освободиться от мембран и жадно и устало тянет воздух. Глаза закрыты и резко неожиданно раскрываются выглянув из глубины своей пещеры. Наконец с силой потереть глаза и задержать дыхание. Худое лицо говорит в упор: любящий должен быть стойким как камень, никогда не сдвигаться. Но, ничто не камень.

— Однако биологическое разнообразие продолжает сокращаться. Главные причины сокращения: использование человеком природных ресурсов и загрязнение окружающей среды.

Каролина Локуст в полете.

сцена xviii

Ну, Каролина

Локуст стоит перед небом под сетью. Каролина Локуст, код, множество без элементов. Каролина, дай ощутить тепла, покровительница собак, великий аттрактор инстинкта, властительница прямокрылых: рой исходит из самого себя, у него нет глаз и он весь покрыт ими, его не терзают сомнения перед едой. Как рой ощущает свой сигнал-раствор? Ну конечно, коротенькие усики-струны экстропии, не довольствуешься тем, что принимаешь или получаешь *по-иному*, принимаешь фрагменты или фигуры как таковые, без ограничений мнемонических или любых других, навязанных интеллектом, но интеллект *как таковой*, в том числе. Они касаются желтого в бесконечных отростках... Кто они? Дайте пораскинуть мозгами по поводу изуродованного лица Каролины Локуст, изуродованного по праву рождения: грызущая пасть ортоптероида бережет мужественных. Великая рассредоточенность, кротко выраженная в прямоте мерцающих кожистых крылышек, не печется ни о чем, нетерпимая к усталым, белый эякулирующий кадр, скрывающийся между кадрами. Жест посложнее вот этого — показывая бокал, забрасываемый в рот; мельчайшие кодовые изменения антигена в иммунной системе. Опыт стресса. Бритый человек с каким-то каменистым, шершавым лицом, он все еще сидит здесь, продолжая речь — место для Каролины Локуст тоже, что границы для волны, нельзя сказать, что она передвигается, нельзя сказать, что волна покидает свои границы. Но ты же чувствуешь ее? Прямо здесь, ведь так? Код всегда при тебе, неожиданно лицо искажает улыбка, делая его еще более странным. Взгляд от киника к этой парочке — директор кидает встревоженный птичий взгляд, старые знакомцы теперь растут плохими знаками. Она удаляется с хмырем под

руку в темноту в офисы. “Как ты узнаешь верную разгадку?” – “Они всегда такие абсурдные, да? Начинает раздражать. Но сразу понятно, что это верный ответ, как бы абсурден он ни был, он всегда один. Другие, как бы они оправданы ни казались, — теперь ложь”. Немедля скрыться от этой ебической пифии. В темноту, в пещеры галерей, где атлеты сползают по креслам, вскипевшим пластиком, старые знакомые туннели. Двери теперь совсем другие — гораздо прочнее, темные, сталь, обрамленная золотом, одна другая, нет. Эта приводит в центр какого-то другого полета: клубы дыма вываливаются из-за двери как легкий снег, закрывая за собой дверь сразу в гущу: четыре или пять покатывающихся человеческих фигур, а где-то у пола дым-машина, распространяющая каннабиноидный чад по всей маленькой комнатке. Ненароком вдохнув несколько хапок, обратно в пустой воздух

“Может на вершине ощущения остается только то, чем можно пренебречь?” Только теперь видно, что слепой. Дальше в темноту коридоров, в носу набились сопли, скатываются в горло со вкусом ночью вынюханного порошка, смешиваясь с першащим осадком дыма каннабиса. Дверь за дверью, золото со сталью, все глубже. Лестница вверх, один этаж, второй, третий, снова коридор. Дверь, дверь, еще

пустой ангар, железобетонные колонны по периметру, в полулоте уставившись в экран. Ближе к не обращающей внимание наружу. Наконец заметив чужое присутствие, не успевшим настроиться хриплым голосом: “обидно, да?” Бросив короткий яростный взгляд, но тяжелый, будто ото сна: “остались только падальщики”. Вопросительно на нее. — Хочешь знать, почему дочь нема? — Пауза. — Потому что прошла ретроспективный анализ в обращенной форме. — Пауза. — Удивление? Что, никогда не доводилось слышать? Кто за всем этим стоит? Не доводилось встречать? — Пауза. — Когда она увидела небо, через все звезды прошли прямые, связав их друг с другом. — Пригляделась оценивающе — Не доводилось выходить к обращенной форме? Мало кто выходил. Да, выходила. Вот срань! — И с совсем другим взглядом — *Это — благовещение.* — В выпученных глазах между широко раздвинутыми веками сеть толстых темнокрылых капилляров

Испугавшись, и чтобы перевести в другую плоскость: “что здесь делаешь?”. Вопрос показался эротически напряженным, но не смутившись, с другими глазами: “здесь все еще хорошая скорость”. Непонимающе: “скорость?...” Засмеялась. “...разве место имеет какое-то значение?” — “Конечно! Вот срань! Чувствуешь запах? Ты чувствуешь особенный запах внутри экрана? Такой ни с чем не путаешь! Там всегда такой запах. На их кораблях он вызывает такую эйфорию!” Запнувшись, вспоминая: “это запах скорости!” Запнувшись, соображая: “чего же хочет это сознание?” Смущение. “Довелось бывать на периферии?” Задумчивость, близкая к

желанию кричать. “Да”. — “Тогда *орган* должен был начать расти внутри. Да?” — “Да”. Вот всё, объяснением чего хотела бы заняться, если уж хотела бы чем-то заняться. Зрачки стеклянные не шевелятся настолько, что берет жуть. Подняла руку, вспыхнув красным пятном, полностью покрывающим ладонь и уходящим выше к плечу расплываясь. “Здесь, чтобы видеть или надзирать?” Лицо отливает механичностью, животной, киборганичной, пухлое, как у подростка, мелкая россыпь красных пятнышек и старых оспин от зарубцевавшихся акне на широком подбородке с ямочкой. “Видеть...” И с яростью: “Твои слова!?” — “Решение всегда выводится ретроспективно, не можешь призвать. Проспективный анализ — это лишь доступ. Доступ для другого. Правила те же”. Холодная ухмылка. “Как туда выйти?” — “Это как перезапустить Землю. Если два элемента взаимодействуют, они изменяются до неузнаваемости. Ты мутируешь. При ретроспективном анализе никогда не достигнешь этого, там просто нет другого, там только ты, в одиночестве”. — “Как туда выйти?!” — “Уже! Периферия это и есть присутствие другого! Срань, а!” Вставшая тишина углубилась. “Можно туда выйти снова?” — “Если тело не отягощено низменным страхом смерти...” — “Что будет?” — “Он вторгнется в корреляцию и... ты... закончится”. Улыбка блаженства исказила лицо, податливое к этой эмоции. “Что ты хочешь сказать?” — “Доводилось слышать об утешении абсолютного нуля?” После паузы, нерешительно: “Как тебя найти?” — “*Дикая кошка*. Можешь звать Каролина, дружок. Садись”. Лицо снова изменилось, все изменилось: жесты стали мягче, тон дружелюбнее. Сестра рядом. Стала гладить по голове, глаза не смотрели на нее, тело охватила мягкая волна знакомой нежности, так что взглянуть стало боязно, что разрушится очарование и увиденное тело окажется неадекватным тому, что оно так внезапно причиняло. Сестра, ну конечно. “Помнишь как играли в автобусы? Помнишь, как раскладывали города?... Помнишь запретную *тихую* игру? Как назывался город, который *изменялся*?” Почувствовав улыбку, знакомую, дорогую улыбку... Прикосновение к коже знакомой кожей. На голове нет волос? Забыв, что она обрита. Запела, узнав эту песню. “*Приближаясь к краю ночи пыль танцует пес и птица далеко солнце встает и садится каждый день свет и тень меняют стены*”. Действительно, пела ее, да, в десять. “*Комета галлея пришла и ушла*” нет. “*Все вещи которых касаюсь как камни*” нет. “*Падают в ночь в одиночестве*” нет никакой сестры и никогда не было, песня — собачья чушь, выдуманная на ходу, просто структурный набор слов, заклинание. “*Никого не стало рядом скалы холмы имена*” вскочив на ноги, скинув с головы руку. Сколько так просидев? Бешено уставившись в стеклянные глаза, уставившиеся в ответ, как глаза безразличной природы, медведя, утомившегося пищей. Хрипя: “как это делаешь?” — “Делаешь? *что*?” Причина недоуменности становилась яснее: не рассматривала как человека вообще, лишь как набор паттернов, которыми можно оперировать, как медведь стал бы оперировать с теплой, полной движения и крови силой. “Ты

взаимодействуешь. Так ты меняешься. Известно, как сделать тебе приятно. Всегда было, как делать приятно. *Этому телу*, — указала на свое тело, — другим. В конце концов перестала понимать разницу между двумя; все равно, где один, там два”. — “Всегда была такой?” — “Просто очень хорошо чувствовала тело и его возможности. Ощущать как никто. Могла кончить в любом месте по желанию, а иногда оргазмы длились часами. Много, много часов... Когда нашла Меркурий, нашла небо”. Глаза стали безумными, выпученными, как когда говорила о благовещении, но говорила теперь спокойно и медленно. “Ты — крыса бегущая по ребрам стальной сети, по ее стальному узору, по ромбикам. Если ты двинешься, то перестанешь различать черты этого, — указала на свое, — лица. Ты захочешь тело *по-настоящему*. Увидишь паттерны, которые сами тебе навяжут узор, что ты увидишь, которые сами тебя сделают узором. Обнаружишь себя тем, чем являешься: непрерывным потоком ощущений. В твоём случае — возгоняемым потоком. Ведь атлет, так? И твой поток мчится по экспоненте, так что в какой-то момент, и сам этого не заметишь, наступит сингулярность и... статус”. — “Хочешь сказать, это не сбой кода, а его композиция?” — “Да, если не остановишься прямо сейчас”. И, присмотревшись: “А может быть, уже поздно. Есть простой тест, который *они* проводят: просят тебя написать рассказ на отвлеченную тему. Если в готовом тексте нет местоимений, значит уже бежишь по стальным ромбикам сетки, сталкиваясь только с такими же вонючими паттернами, как и сам, и все что остается — отчаянно нестись прямо в статус”. Рассеянно замерев, пытаюсь собраться с мыслями, совершенно расколотыми. “Ты хочешь больше, вырваться за границы. Всегда только и ожидая того, что вытолкнет тебя в запредельную страну? Вот срань! Не получишь этого. Там *ничего* нет. Онтологическая дыра будет только расти, пока все твоё существо не схлопнется в одну точку предельно напряженного ощущения! Там больше не будет времени, так что проведешь там вечность. Станешь вечностью”. “А ты?” Удивленно откинувшись назад: “То же самое, что и со всеми. Сперва слепота, как этот безумный, что торчит в коридоре и бредит о Каролине Локуст. Но, так же, как в конце концов и для тебя, останется возможность видеть на Меркурии. Тогда пребывание здесь сократится до нескольких минут в месяц, а в конце концов все существо переселится в пространство воображаемого, наступит статус. Но это еще не конец. После, еще какое-то время, способность отличать одно ощущение от другого сохранится, но они будут наслаиваться друг на друга, пока не сожмутся в одну точку. Тогда-то и словится сингулярность. Не обольщайся, будто бы тебя ждет судьба хоть на полшишечки отличная. Сингулярности не носят волос”. — “Нужно идти”. — “Но это не решит ни одну из проблем” — с совершенно остекленевшим лицом, будто произнося не свои слова, как всплывающее окно. Вдруг, с нахлынувшей яростью: “ты, самопроникающая крыса! Бегущая в себя все глубже и глубже, а разрыв растет! Тошнота усиливается! Беги, сученок!” Мягко, с любовью: “Ты просто устал.

Природа не знает экономного кодирования. Ты просто устал. И усталость будет только расти, потому что ты все глубже и глубже проникаешь в рой, лезешь в саму природу”. Но голос все равно отдает машинностью, электронный, голос насекомого, голос киборга. В ужасе распахнув дверь и вывалившись, умирая от усталости. Едва слушающейся рукой закрыв за собой дверь. “Съебывай, сученок!” слышалось.

сцена хix

Закрыв дверь, не сделав и пары шагов, прямо-таки вляпаться в тьму: черные точки, всегда висевшие в глазах, на несколько секунд утонули в разбухшей черноте, с криком на подкосившихся ногах, вцепившись во что-то холодно-твердое, также внезапно темнота опала, выплюнув черную звездочку, наподобие морских, в коридор, потерявший гравитационные ориентиры; соскользнул с Плутона быстро как плевков: черно-белое онейроидное пространство прожигается настолько яркими цветами, кишачими, вопиющими о загрязнении. Тяжелые металлы, пластики, куски старых снов загрязняют скошенное восприятие — нити, ведущие вглубь катастрофы, демоны, зачинающие жуткую трапезу, сжирающие слабое состояние глубоко в пустыне

взывая к ломоте в костях, замороченному взгляду,
подвижным губам

удар, падение, это земля подкосилась и набросилась на глаза, натягивает мощный мешок на голову. Пятки заскребли по асфальту, швы на штанах затрещали, кто-то сильный тянет под локти и пыхтит. Что ж, можно откинуть голову и с комфортом провести время, раз уж кто-то так заботливо занялся судьбой. Запихивают в машину как мешок, дают газа, ускорение ощущается тошнотворно, опасно: в мешке можно захлебнуться. Машину трясет, колени сбиваются и застревают между сидений, тупая, отдаленная боль в суставах.

Ведут по коридорам, это кажется не очень увлекательным, внутри проснулось какое-то не присущее прежде остроумие. Зайдя в помещение, остановились и затихли, ткнув в бок, явно призывая к тишине. Вокруг ощущается большое столпотворение и кто-то недалеко говорит по-восточному, по-арабски или фарси, познаний не хватает, чтобы сказать точно.

Снимают мешок. Маленькая тускло освещенная живым огнем комната, полная людей, толпящихся кругом. Что в круге? Молодое человеческое существо трудно различимого пола, лет шестнадцати, с длинными черными волосами и белой кожей, вещает на незнакомом языке внимательно слушающим его смуглым мужчинам, некоторые из которых в тюрбанах, вдруг замолкает и смотрит теперь прямо в глаза. Приглядевшись: уши горшком наполовину прикрывают волосы, черные, как и глаза: чернота глядит поверх, блестя, так, будто не он сам пристально палит, а чернота поверх; на лице нет волос, кроме густых бровей, нависающих над глазами, мягкие губы плотно сжаты, скованные нежной бледной кожей, на щеках, на скулах плавающие красные пятна. Вокруг: черные бороды от кадыков, глаза блестят как в трансе, натягивается тишина, смотрит так пристально, как вызывая на вопрос:

— Мара танха безар, — безропотно выходят все по очереди. Долго и пристально смотрит, пересохшие губы разжимает липкий язык-ключ: — фрашокерети! Фрашокерети

непонимающе глядя прямо в его растекающиеся по экрану глаза

сцена xx

Открыв перед шумными рытвинами асфальта, сложив подбородок бочком: прямо перед дверями Плутона...

Итак, лучше всего снимает крепкий алкоголь; коньяк, 380, хорошо, вскрыть выйдя из магазина, ехать на девятьсот пятого года. Кто ждет на девятьсот пятого? Вспомнить. Звонок — это точно. В метро. “Он прекрасно к тебе относится!” Смех в другом конце вагона. Нахмуренный лоб. Морщины. “Нет. Когда ты сказала я не буду выходить что он сказал? Нет”. Видеть больше. Поры? Морщины, не дальше. Старая рука берется за поручень, пожимает его как делая немного живым членом отдает немного сморщенной жизни близко ухмылка оборачивается говорил вслух? Коньяк через силу в рот прыскает из губ на длинные волосы волосы плечо рука за руку с ухмылкой который оборачивается я выхожу. Площадь никого нет сесть возле памятника: кажется таков был уговор? Галлюцинаций больше не будет? Как долго следовать за ними? Что-то было, но протекло

в канавах в дремучем лесу в пищевых погребах в жаркой сырой темноте схваченной коркой льда жаркой сырой темноте роя темным теплым ядром из-под ледяных корок под волосами в клетчатке в озерце над сводом протекло за секунду до того как каждый оскальпировал

природа не знает... Не знает экономного кодирования. Нет. Площадь почти пуста, никто не дожидается, пока последние пробки рассасываются, попробовать вспомнить *откуда* вели галлюцинации? *Чтобы все понятно стало*

сначала оно пробует подбирается хелицерами поближе к пульсирующей артерии укус незаметен можно почувствовать только во сне

Возникает путаница между физическими и психическими силами, энергией субъекта и механизма, время расщеплено и расщепляется, так что как избежать простоя?

Прыжок в пору. — Ты что-то придумал? — Ешь! Ты должен это съесть! *Но, уговор дороже денег!*

в делях в сухожильных частях чаще апоневроза до несколько сотен колебаний глаза в минуту

Женский цифровой голос вещает ликбез о системе мутации искусственного организма Меркурия душный ветер вентиляционных шахт мы все предстали перед сиреневым образом не до конца антропоморфного лица растворяющегося в трехпаттерных волнах резиньяции приближенный к главному коду атлет в широком капюшоне сидит перед скопом собравшихся лицо корежится “как с помощью воображения можно помыслить бесконечное количество форм труда на основании новой логики-этики” разжижающаяся молния серебристая пыль освещает проход к образу. Молчит.

Душный ветер вентиляционных шахт шумы стальных членов давно кажется занятых своей замкнутой жизнью окаменевшие жилы желто-бледное пространство вневременные индустриальные руины заметенные песком женщина с фотографии найденной где-то в трущобах *Забавной мысли*. Белые ноги сияют на поврежденном изображении где-то из пузырящейся черноты памяти помещения без окон полные стоячей пыли тусклые красные огоньки в полу в некоторых местах очевидно явился в поисках нее кого? — И это не смешно! Мы задолбались, правда! По пути постоянно искажаешься, теряешь, идешь на компромиссы, зависишь от навыков и бюджета... Технические возможности для воздействия на человека мимо носителя человека, если над этим работать, неизбежно появляются. Они необходимы. И нужно разобраться: носителем чего являешься ты

Выделяется в пылевом облаке ведет в освещаемое неизвестно откуда помещение осыпающегося желто-бледного камня в центре высокая крутая насыпь и ступени для ног ведут к вершине все круче ловко взбирается и зовет за собой с каждой ступенькой ноги все труднее цепляются скользят ближе к вершине всем телом улитка с одной мускулистой ногой невозможно уцепиться риск соскользнуть расшибиться схватиться за торчащие из осыпающегося камня прутья стального каркаса маленькая дверца на вершине ведет в темный тоннель

глаза пораженные жутким нистагмом и как она видит хоть что-нибудь? Прикосновение: руки лицо, шепчет прислонив синие губы к

мочке: “тебе может показаться теперь, что имеем дело с этим. Рой, Каролина — может, это регион, в который можно было бы попасть, может уже, такой же, как Периферия. Эти законы могут иметь смысл. Может, у тебя есть инструменты, это все может работать, оно не может не исчезнуть. Может быть, это регистрация региона, картография, задумайся, но можешь не обольщаться. Только то, что может быть. Уже светает, тебе пора. Угадав вопрос: “это не имеет значения. Существование не может быть строгим. Строгость и бодрость могут быть присущи тебе. Может, для этого и появился Меркурий в твоей жизни. Не для того чтобы твоя онтологическая дыра могла разрастись! Это иллюзия? Может, наивная иллюзия! Онтологии не может быть видно, она может исчезнуть, разложиться! Быть переработанной! Можно смотреть на то, что видно? Каждое ощущение для тебя может стать процессом разложения твоей собственной онтологии

Не беспокойся. Ты понимаешь и знаешь, потому что поток ощущений непрерывен, его прерывание может означать только смерть для тебя, в таком случае, впрочем, оно ведь может прерваться только для *тебя*

Ты прекрасно знаешь эти ощущения, но в них можно было и запутаться, потому как на самом деле это *они* прекрасно знают тебя, то есть самих себя. Не может никакого тебя, ни Пса, ни Птицы, только их твои ощущения.

Дойдя до взгляда можешь идти дальше, взгляд может потонуть в исполнении. Машиах мог прийти, так что не отвлекись”. Когда экран уже начал гаснуть, произнесла как продолжив незаконченную мысль: “ты можешь выздороветь неожиданно. Но все решат, что теперь ты машина. Они говорят: киборги. Так ты создашь голема внутри.

Экран гаснет.

сцена xxi

звездой, у тебя такой голос!

— Что за черт, с чего тебе умирать? Ты станешь

сцена xxii

— Привет! Ты не обязан был это приносить, забрал бы завтра сам. В любом случае большое спасибо. — Ты его подцепил. Ты заметил? Заметил, какой он робкий? Только у него никогда не хватает денег, поэтому *Лет*, сука, всегда держит его на привязи. Бедная *Дик*, он так ей нравился. Она всегда несла какую-то ахинею, но ей было дано легко разбираться в том, в чем бы мы не смогли, — держа косяк в по-лондонски белых зубах (несколько лет назад вернулась на родину после высокого обучения атлетизму в по инерции модной столице давно не у дел, конечно, перекочевало на юг, обосновалось в пустынях, будто следуя пророчествам) поджигает краешек торчащие листики чернея закручиваются в огне как подышающий в песке и чернилах осьминог. Мы за жестянку грязи выменяли у китайца лошадей. — Разве она предпочитала не девочек? — Членодевочек! Дев с хуями, так точно! Да, он девственник. Ну, так говорят. — Лет придержал его для себя? — Ну нет, не выдумывай, Лет не притрагивается к плоти после своего ретрита. Десять лет, слышал? Он сильно изменился, когда вернулся. — Нет, он совсем не изменился. — Может, перестал притворяться? — Он никогда не притворялся. — Ты не знал его! В задумчивости пепел обрушивается на мутно-белый рукав флуоресцирующего полиэстерового костюма. — Становится жалко человека — страшная ревность! Перепады от ревности к жалости. Ясно, как должно биться сердце? Краха старого мира... И он придет. По линии обнаружения. Форма положена на две спирали, находящиеся в постоянном столкновении друг с другом. Поднимаясь снова вверх, вызывают разруху в взгляде: более ста колебаний зрачка в минуту. Только в такой форме,

что не заподозрит даже самый проникательный из нечестивых докторов; звери были полностью поглощены своим занятием: слышался только хруст лошадиных костей или довольное мурлыканье, когда одно из животных покушалось на лакомый кусок другого; монстры алогизма, нечто глухое, способное с задором уничтожать вещи, легко добывать мозг из кости. Шершавые языки с широкими порами собирают мясо. Широкие листы окровавлены и птицы среди них поют о том, что не могут петь; обед либо выскребается из-под низу, либо надрывается сверху. — Если оставить пространство, будет хаос. — Собираешься на вечеринку? Будет cool. Ну, так говорят.

встретиться в забегаловке не хотел пользоваться телефоном воняло старым мясом и кислыми супами в компании старушек и трансвестита улицы загаженные жженой проводкой осинными панцирями заточенные в грязи иммигранты карбоновые пластыри нефть застывшая моча оледеневший ключ в трущобах бывшего хлебозавода басы в красной темноте резонируют в грудной клетке в сомнении кругами спиралями почти в смятении в груди нечто глухое в груди способное смять вещи как гнилые фрукты гнилые зубы зеленые пузыри когда мы еще увидимся телепатический стон у красной дорожки помощь ему потребуется в этом деле прежде его здесь не видел можно поаккуратней видел множество блокаторов шныряющих здесь в каждом углу раздробил их на части чтобы вышел пресный порошок в эту силиконовую колбочку принимать перорально но ты конечно будешь колотиться я тебе не советую но ты конечно думаешь что если вошел в эту реку легче перейти ее вброд потерпи месяцок будто нет такого языка который бы сам себя усложнял на этом кровавом шипе повисло много неудачливых головоногих сильное жжение в груди очерчивает трубку пищевода басы бьются о ребра изнутри из зала в зал в красной темноте длинные светлые волосы ползет на четвереньках в красной грязи расстегивает ширинку чтобы проглотить осклизкий или сухой мягкий дрожа лежащий хуй но с удивлением обнаруживает только короткий задорно торчащий вперед отросток но не теряется с мурлыканьем цепляется зубами за клитор терзает его загоняет в щели между зубами... мусор как стервятник поджидает меня ворох тряпья невидимые тучи грибных спор крадутся к помойкам за китайскими забегаловками терпеливые прожорливые драконы размером с крысу. — Он знает что ты совершил ошибку и он воспользовался этим. Он так на это смотрит. Он охуел на мой взгляд, но так и есть. — Думаешь падла проснешься в Тель-Авиве как ни в чем не бывало?

Людоед не открывал незнакомых книг, воздерживаясь от гадания. Переписка продолжалась несколько лет. Вот то гадание: *вас преследует женщина*. И еще одно, очевидно про другую: *ее имя еще не названо*. Принял и дал ей лишнюю ампулу. На стуле тяжело дыша, а

она кусает кончики волос. В стальной дымке восхода. Под язык чистая сталь. Течет, предвкушая жертву. 39, 40, 41, затем смерть лежащего тела. Вот о чем надо себя спросить: ты *да* или *нет*? Ничего, что может качественно изменить ситуацию, не происходит. Отслаивается и немного наклоняется вперед. Это положение дел. Автоматическая стеклянная дверь тут же захлопывается. Ты имеешь дело с интерфейсом, не имеющим ни места, ни четких внутренних границ действия. *Вас преследует женщина*. Постоянно действуя, он остается вне посещения. — Страшно цитировать, потому что не уверен в верности цитаты. Может, вообще все говорил сам? Основная роль пользователя не следить, а быть под наблюдением. Их несоизмеримо больше. Миллионы ушей слышали этот шелест, казавшийся слишком близким. Миллионы слышат его и сейчас. — Приходил один паренек, ему шестнадцать и он хочет пить мочу. Тебе не кажется это странным? Раздоби их на части. Пустыня вышивает на себе черной широкой нитью. Смотреть в ту сторону невозможно без боли в глазах. Когда возвращаешься, свет солнца кажется бледным и слабым. Осмотрелся: большинство людей сидят на танцполе, некоторые курят. Болит голова, подкашиваются ноги. Хочется лечь и отдохнуть. Зубы скрипят. Отвратительно жжет во рту. Танцующих трясет лихорадка, выпадают волосы, кожа окрашивается свинцом, пульсация баса нарастает и наконец сплошным гулом прорезает грудные клетки и головы, пока крыша не обваливается, чудом не придавив никого. Синее и сиреневое мерцание застилает пространство: из четырех дыр свисают на толстых черных шнурах существа с головами, быстро крутящимися под телами. Больше похожие на механизмы, чем на животных. Следы слежения коренным образом сращены в скорости движений зрачка. Зеркало, лишившееся своей материальной поверхности, плывет по танцполу. *Вас преследует женщина*. Результаты действия становятся очевидны моментально. — Ради блага самого человека следовало бы провести процедуру такого переворачивания, которое дало бы возможность выйти тому машинному, киборганичному, что есть в человеческом субъекте, прямо, без опосредования отношением к труду. — У них прозрачное тело и видно только глаза, а глаза большие, черные, очень выразительные. Урожай

затем чьи-то руки высыпают содержимое емкости ей в рот. — Мальчик вышиб собственный рот. Голова его подружки оказалась у аптеки через двадцать одну минуту. Человек внутри остался сидеть на стуле, сжимая в двух руках нож. В нем что-то слегка изменилось. Его пальцы накалились добела. Парни на улице играют с ремнем, накидывая друг другу на шею. Чувствуя свои кости внутри, увидел в ее полуоткрытом рту сверкающие крылышки. Люди из службы безопасности явились через минуту после того, как асфальт расплавился. Он не давал им подойти к голове. На коже выступили шрамы или следы, как с тыльной стороны письма: увидев земляную осу, худую, черную и блестящую, почувствовал ревность, неторопливо ползла по вертикальной балке,

поддерживающей деревянную кровлю летней веранды, тела их прозрачны, а глаза большие и черные, очень выразительные, поднял грязный резиновый шлепанец и накрыл им блистающее тельце, затем разделил их, и внутренности потянулись как нуга с хитиновой крошкой: завидев паука она седлала его и дважды входила в его тело сияющим в свете колоссального газового шара черным хитиновым фаллосом с загнутым добела раскаленным концом шириной в десятую долю миллиметра расщепляя нервные сплетения в головогруды, он стонал как обезумевшее животное вроде оленя чьи рога отяжелев перевесили его и вот в страхе он валится на землю а в него лежащего с потупевшим взглядом остановившемся где-то перед телом она складывает свои яйца белые и липкие как икра они теряются в густой шерсти, она запечатывает его как конверт который нельзя вскрывать до обеда; прямые чешуйчатые крылья шелестят в черном рту девочка среди поля наступает на муравейник и тут же покрывается черными язвами хлопающими кожаными крышечками как пчелиные соты устроенные в теле быка, танцующие опускают глаза и высматривают на полу жирных черно-зеленых жуков заполонивших танцпол зрочки быстро и коротко двигаются чтобы не дать ногам раздавить кого-то из маленьких хозяев — когда один или другой оступается его поражает эпилептический приступ и брызжа слюной пеной и кровью они валятся под ноги влекомые танцем; шипы начинают буйствовать и превращаются в кипящую зеленую мясорубку или морской вал приносящий к берегу тяжелые куски панцирей земляных ос она держит темп на максимуме входя в него более чем сто раз в минуту вылупившись дюжина маленьких черных ос прежде чем улететь пожирает еще живое тело оленя затем счистив с крылышек остатки плоти лимфы и желчи они взлетают с невыносимым для оказавшегося поблизости живого существа обремененного эндоскелетом резонирующим в его груди гулом, их головы крутятся как спиннеры повисшие на скачущих нитях, скуластая эбонитовая девушка встреченная в метро долго нашептывала что-то мрачное себе в ладони наконец открыла то что знала о маленьких хозяевах: им известно что будет видеть, слышать, нюхать и ощущать на вкус каждый человек, а это и есть мысль, они выстраивают из этого формы и непрерывно чередуют в них знаки, как лапки их тысячеруких личинок, видом подобных Авалокитешваре, но воспринимающих потоки движения исключительно как питательные среды. Они получают двигательную энергию, выделяя из мельчайших занятых в симбиозе живых частиц их эволюционный потенциал, вследствие чего живые системы распадаются, а пространственно-временные измерения множатся как на дрожжах, дхармы закручиваются в циклон тотального восприятия вайрочаны, онтологическая дыра разрастается как сплошная черная пропасть, непредставимая, рождающая пожары ревности в вакууме почти бесконечных пространств войда. Между тобой и войдом тонкий на уровне несуществования скрин. Только это должно разделять вас вместе чтобы ты наконец ощутил. Преследуя эбонитовую

по черной мокрой улице она путается в своих волосах продолжая близоруко бубнить что-то самой себе: “вас зовут птица?” — “Да, но я не настолько безумен, чтобы отвечать на вопросы зеркала”. Проходя через мост в дрожащем тысячеруком теле в следующее же мгновение оказался в воде захлебываясь, а руки соскальзывают с отвесного берега канала. Шейные лимфоузлы набухают до таких размеров, что практически оголяются из-под кожи. В ресторанчике — месте работы — подают плато морепродуктов и мидий, умирающих в теплой воде залива, дорожающих не пропорционально труду, с которым их теперь приходится ловить. Атлетку, которую на днях выловили в заливе, звали Дзина Жук, ее признали киборгом, и решив, что она наэлектризовала воду, чем вызвала ее потепление, посмертно линчевали.

сцена xxiii

Атлет имеет дело с кристаллизирующейся внутри него системой, в нем появляются объекты–следствия других объектов. Если атлет находит несовершенство, ошибочность ощущения, с которого он начал восхождение на Меркурии, он должен научиться идти спиной или боком, или под любым углом. Свет не должен ему мешать, в любом случае, так как это естественный свет Меркурия. Ощущение приводит атлета в новое место, отличное от того, с которого он начал восхождение. Когда такой подход применяется в обратном порядке, он отводит атлета очень далеко от изначального пункта восхождения. Используя классические методы, атлет начинает с известной структуры, и потом, когда он перемещается на другой уровень, он совершает рекурсию. Структура способна к формированию комплексов, анализируя данные и говоря, что все является правдой. Ощущение начинает раскручиваться, и атлет переходит на новые и новые уровни. Он больше не может вернуться в начало, так как процесс асимметричен. Атлет тот, кто не может вернуться. В этом смысле он и представляет собой саморасширяющуюся онтологическую дыру... Превосходная крайность! Такой она и должна быть! Следующий шаг не является шагом, не являясь шагом, не являясь шагом. Стальная звезда наконец избавляется от лучей: один луч вычислений, другой луч рекурсии естественных языков. Она сотрясается и раскачивается и оказывается открытой для изменчивости. Когда онтологическая дыра растет, атлет овнешняется, таким

образом снимая проблему ужаса перед внешним. Атлет — тот, кто живет во внешнем

сам становится внешним. Вы зажаты среди невидимых летательных аппаратов, огромных и совсем крошечных. Сквозь их искривление вы не можете понять, вам ли принадлежат эти движения. Естественный свет Меркурия — это машинная часть процесса, через который реакция преобразуясь по пути в материю интегрируется на плоскость. В модели архерассудка вывод не следует за реальностью и не предлежит ей, а сама *эпитема* реальности состоит из тотально связанных вводов или *реакций*, которые пионеры часто принимают за вывод, в принципе не предусмотренный системой: все дело в связи нескольких (или многих (теоретически даже всех)) вводов, которую возможно обнаружить как ощущение. Впервые этот процесс был окрещен *забавная мысль*, учитывая что прагматика причин открытия совершенно не согласовывалась с самим открытием и можно сказать рухнула раз и навсегда. — Отчуждение, создавшее собственную природу, стало нашей гимнастикой — Выйди за пределы тупого дребезжания коммодифицированного хлама! — Спешу вам еще раз напомнить, что виртуальное пространство не место свободы. Поток ощущений не разделен на ввод и вывод, раздражение и реакцию, поэтому оставь ощущение, не пытаясь найти его причину или смысл. Если не обнаружишь корень этой ошибки в своем же уме, никогда не поймешь Меркурий. Говорю вам тайну: мы все умрем, но все изменится

Каждый день вещи будут меняться. — коммодифицированного хлама! Ты чувствуешь *затемнение*? Сидя на лице: глаза на лице темнеют, свершая собственную метаморфозу, которую трудно разглядеть в общей темноте комнаты, нависая над метаморфозой другого, другой метаморфозой не регистрируемой в темноте можно предположить любой исход для глаз черное набухание жуки сияющие эбонитовыми надкрыльниками

под ногами как грецкие орехи трещат жесткие панцири и опустошаются как пыльники огромных ползучих орхидей изрыгающих запах густой мертвецкой гнили и древесного угля замуравившего останки триасовых ухверток. Сухой пыльный ветер приносит искры горящих стрекозиных крылышек *вас преследует женщина* облако газа поднявшись из трещин в асфальте набрасывает удавку *чувствуя затемнение*

— Хватит играть в детский сад, — электронный голос говорит безапелляционно как пристало голосу киборга — я все равно не выйду из вас

Она хотела *играть*, поэтому от ее *услуг* пришлось отказаться *черное набухание* под промежностью язык широко ходит вверх вниз по арене она не

успокаивается объятая жужжанием терменвокса вздрагивая всем телом лежит на широкой кровати широко расставляя язык *я все равно не выйду из вас*

внутри

вас преследует женщина

пионеры часто принимают за вывод

раз и навсегда

они заставляют тебя двигаться так, чтобы ты понял: ты не являешься источником своего движения. Ультранасилие или просто пышный визуальный бред, иногда на объясняющей критической основе, усиленный виртуальной реальностью или живописными эффектами, вместо вечного остранения? Есть и вещи, которые неспецифичны... Зеркальная призма со змеями раздает инвайты в особенные *затемненные* зоны Меркурия. Некоторые вещи не преобразуются. Изменения формализуют их интенсивность и утверждают их глубину. Можно увидеть причудливой формы крик, как он собирается

На каком

основании вы полагаете, что мыслите в полной мере, используя свой крик? — **НЕОБХОДИМО ЧТОБЫ У ВСЕГО БЫЛО ОСНОВАНИЕ** — Это какое-то нежное насилие, пойдете туда... Спорить тут нечего. Поймите всю глупость возражений! Вы знаете, впереди нас ждет человек, предпочитающий синтетику. Ну и ладно! Чем это нам повредит? Не думайте о том, действительно ли это происходит, думайте о том, *что* это значит. Ощущение субъекта содержит *все*, что с субъектом происходит. И *все*, что происходило? В некий момент. Когда мы начали восхождение, мы уже не можем остановиться, то есть, скорее, это восхождение наоборот, больше похоже на падение. — Надо бы... — Нет, нет. Вы стоите перед бездной нанизывания? Насрите на это старое предостережение, не останавливайтесь, единственная собственность причины — неопределенность, а ощущение имеет тотальность мира. Это усложняется. Почему? Большая опасность — Раз так, раз ощущение действительно так делает и так конституируется, значит через него и возможно остановиться? — *Большая опасность*. Серое стальное небо, лежащее на брошенном листом, покрывают электрические вспышки на расстоянии мгновения. Вода обрушивается одним махом. И тут он становится весьма обширным. Здесь начинается *Забавная мысль*. И это не пустяк. Темнота становится все обширнее. Прожектор в смутном и запутанном мраке сохраняет зону ясного и отчетливого выражения, однако постоянно смещающуюся. Подобно щелчку пальцев — и электронного голоса больше нет рядом: компания распалась. Зато является другая: “явку давай, явку!” — пожевывая облюбованную сигарету. “Какую явку?” — “Явку, явку... с повинной. Вали давай, вали”. — “Что?” — “Подельников своих вали! Ты же не хочешь умереть в тюрьме. Ты старая женщина, ты умрешь в тюрьме”. Сальный и красный как лобстер, мусор, изрезанный красными морщинами, остекленело смотрит еще какое-то время и распадается в спиралях дыма, расходящихся в разные стороны сплошной

стены ливня. Молния, разорвавшаяся в зените, приносит за собой оглушительный раскат. — Это всего несколько секунд. Не надо их бояться. Просто несколько секунд. Осколки встающего. Утром кое-кто был еще жив. — Меня это что ебет что ли?! Мне-то что ебет что ли?!

... от кого ты ждала письмо? — Я... хотела бы узнать свое имя

Происходящее необнаружимо. Объект закрыт, он не выпускает из себя ничего живого. Мы ничего не можем сделать для изменения этого положения. Остается надеяться, что дверь откроется сама.

— Я хотела бы получить свое письмо. — Это и есть основание, которое ты разыскиваешь? Близость к пустоте еще принесет урожай... Попробуй, схвати ее за палец!... И ты поймешь, как желание ничтожно. Запрети себе даже думать, что могла бы контролировать события и влиять на их течение, все вокруг полно технических специалистов, галлюцинаторных помощников и слуг власти связей. Нет ничего кроме скоростей и задержек, никакого развития, абсолютная прозрачность, миллионы прочли твое письмо. Ты хочешь получить его обратно? Ты хочешь другое письмо? Конверт закрыт, он не выпускает из себя ничего живого.

Если попалась, остается только вскрыть живот до основания груди и пить сладкий нектар вперемешку с пылью, или только сытную пыльцу, если нектара не окажется. Не так уж плохо, если подумать, главное не паниковать. Но если потеряла равновесие, ни в коем случае не стремиться восстановить его в прежней точке, а склониться в направлении падения и обрести опору дальше того места, куда должна была упасть — Что в письме? Как его

вскрыть? Надеяться, что конверт откроется сам? Подобрать код? — Не выйдет. Его стоило бы создать. Ищешь ее, эту женщину с фото? Или ищешь того, кто мог бы помочь разобраться с конвертом? Нужно всегда самого себя помнить. Поищи это в *Забавной мысли*. — Никогда не был там. Как ее найти? Лицо меняется, и готов поклясться, что засек сам процесс киборгизации: “*Большая опасность* — лицо так же внезапно приобретает прежние черты, — где ты взял это фото?” Шум грозы стихает как падающая простыня туман обрушивается сиреневым светом вышедшего солнца на Москва-Сити. Кто-то сбивает плечом: какой-то чернокожий клерк с лицом серийного убийцы: “ищешь способ не навредить другому?! не навреди сначала себе!” — стеклянные глаза отражают озонированный воздух, через секунду уносятся дальше, а прежней компании и след простыл. Где выращиваются эти странные проходимцы? Нужно что-то принять, то ли отнять, желательно срочно, а возможно лучше сразу снова заснуть, не успев сойти со смутной границы. Густая мокрая пыль сияет в углах улицы кристаллами. Падающая пустыня

останавливается за световую секунду от тропосферы. “Эй! Тело уходит чтобы помнить тебя!” Что за черт. Отвяжись! Что за люди? Каждая калека — пифия. *Остерегайся проходимцев* говорил один. *Проходимцы бессмертны*. Ползучий сад разветвляется и пульсируя движется из темноты глубоко леса шевелящегося внизу, под тем, что прежде модно было называть ногами. Густые темно-зеленые клокочущие полые щупальца и клацающие хелицеры поражают быстро отделяющуюся от тела нервную систему, пучками свисающую из развалин кожи. Через секунду озонированный воздух уносится дальше в сиреневый свет и вокруг повисает чернокожий вакуум. Стальное солнце, взошедшее над Меркурий-Сити-Тауэр, катится по городу и сминает небоскребы, как консервные банки, превращая Москву в руины диссоциативной империи на смутной границе сна. Равновесие теряется, зато организуется возможность помнить себя. Письмо смещается в абсолютной темноте и необнаружимо останавливается в центре детализации, вокруг которого спутниками вращаются по искривленной оси стальные шары, прежде казавшиеся единым сияющим над Меркурием солнцем. Рой невидимых летательных аппаратов, огромных и совсем крошечных, сквозь их искривление становится неразличим действительный источник движения или становится различимо его отсутствие. Короткие изменения в радиусе зрачка маркируют отсутствие обычных реакций. Или отсутствие таких изменений. Шипы сумерек разрывают дорогу, кружащую в зрачках. Фары с той стороны дороги. Дорога кружит и тлеет в тенях. Сломанные зрачки не меняют радиус. Перед ними мост, изорванный светом фар, горящих с той стороны. Фары слипаются, превращаясь в докторской фонарик. Сквозь их искривление, не позволяющее говорить, даже отправлять команды собственному телу, застывшему где-то на другом конце мозга, забывшемуся и расстроенному: “Так, ребенка пора снимать!”

сцена xxiv

Начнем с пятидесяти миллиграмм кломипрамина внутривенно и двести кветиапина, как проспится зарядим еще двести. Вводи медленно... Медленно я говорю! — Призрак тает!... Приизрак тает... — Что он говорит? — Кажется все же *она*... — Это сложная сеть... и ее призрак тает... — У нее просто бред, это нормально. — У ее сердца было девяносто две истории, она поселила их в любви... Нужно провисеть двадцать одну секунду... Несправедливое наказание! Следует ждать. Дайте доступ! ДОСТУП! Необходим доступ!

Лучше всего фотографировать их до изменений. Затем после изменений. И среду, в которой они обнаружили себя, то есть к которой они получили доступ, она тоже может измениться. Все это необходимо, потому что, предупреждаю, здесь не работает никакая таксономия, изменения слишком значительны, у каждого отдельного образца (так мы называем их, потому что понятие индивид здесь неуместно) они особенны. Всех их мы называем *собачья рвота*. Необходима фиксация существования конкретного организма в конкретное время в конкретном месте. Зеленоватая отдающая металлом зона покрыта росой и слизью. Сперва она пыталась войти в контакт с наиболее процветающей группой организмов,

поэтому на их кораблях так много членистоногих. Мухи и другие слетались и сползались, принимая ее за гниющий собачий пенис. Мы думаем, что контакт имел определенный успех, однако *собачья рвота* была не до конца удовлетворена и продолжила искать связи с другими земными организмами. Она приняла форму, напоминающую каркас шара, как игрушки, которые можно растягивать и сжимать. Перед тем, как развернуться и принять такую форму, она была плотно сжата и обернута кожей, затем кожа разорвалась как яичная скорлупа, и конструкция, прятавшаяся внутри, раскрылась как надувной шар. Сперва она пыталась войти в контакт с детьми. Ей это удалось и впоследствии она принимала все более и более сложные, изощренные формы. Взгляни на эти снимки, видишь, те, что спереди, еще не изменились, они только подходят к тому, чтобы стать рыхлыми. Этот образец — большой друг муравьев. Мы собрали ее и перво-наперво провели классический тест с лабиринтом: она нашла выход, ни разу не зайдя в тупик, самым коротким путем, мы были ошеломлены. Но когда день был закончен и мы ушли из лаборатории, она сбежала. Мы обыскали все и нашли следы *собачьей рвоты* в лампах на потолке. Но это были не живые следы, мы ничего не могли с ними сделать, мы только знали, что она каким-то образом покинула лабораторию через лампы. Изучение проходило очень тяжело, потому что удержать ее в неволе оказалось невозможным, но мы создали виртуальную модель благодаря полученным данным. Мы могли взаимодействовать с этой виртуальной моделью, созданной на языке *karolina*, пока не поняли, что это *она* таким образом взаимодействует с нами. Будто она сама создала свою виртуальную форму нашими руками. Она вышла в глобальную сеть (если не сказать *создала*), которая была позже названа *Mercury* и куплена *Mirror Inc.*, и начала взаимодействовать с пользователями тремя способами: наблюдение, симуляция и игра. У нее нет органов, нет мозга, тело довольно условное, кажется, даже не состоит из клеток, но мы даже этого точно не знаем. Ее разум композиционален и она воспроизводит себя с помощью композиции. Да, бесконечное сообщение. Как нетрудно догадаться, она не использует для вычислений микросхемы. Никогда в жизни никого не насиловал. Насиловали, да, этот чертов грузин, и тогда орал во всю мочь! Еще через несколько дней стало понятно, то, что растёт в этой местности, и то, что в ней выращивают, как будто требует попасть на свет в этой комнате и остаться внутри этого тела, врасти в него, расти в нем, цвести... Пришлось делать снимки на простой, даже не очень *smart*, мобильный телефон. Прыжок. Камень. Рука. Лист. Тень. Солнце. Запоминаешь? — Ты ведь никогда в ней не была? — Ты еб твою мать кто такой пришел стрельнуть своей жопой?! — Вряд ли это можно истолковать как крик о помощи. Фармакодинамика слизи. — Ты старая женщина ты умрешь в тюрьме — Кто бы там ни был кого ты видишь... Поженятся ли небеса с адом наконец? — Не выйдет. — Она не выходит. — Она рассыпается. Она даже не состоит из клеток! Ты это слышал? Чтобы цвести и чтобы расти в нем и

чтобы врать мобильный телефон даже не очень smart. Вокруг одни идиоты. Отвечай, сука, то что растет в этой местности! — Все трусы в крови — Месячные? — Нет, портит себя. В самом начале был общий язык с феминистками, еще до *перехода*, до того что они называют *предательством*, но они быстро раскусили *внутреннюю мизогинию*, может и так, ну и что? Ну и ладно! Чем это нам повредит? — Страшно сойти с ума? Известно самое опасное время для этого? — Раньше, да... Но теперь это всегда с самого пробуждения... Ночные тени заняли реснички. — Как давно ты страдаешь аутоагрессией? — Чего? — Как давно ты царапаешь свое тело? — Что блядь?! — Давай, скажи: я... Тебе полегчает. Ну же! В самом начале был общий язык... Скрип металла, медленно льется на ладонь, мы ведь с тобой недавно знакомы, так? Но тебе стоит мне доверять. Выход — только через меня. Огромная волна, набегающая на берег, поднимает белые крылья над баскетбольным полем, лежащим в опасной близости к океану: — Что ты чувствуешь глядя на эту картину? — Это чудовищное состояние паралича. — Мы пропишем тебе препарат и все эти высыпания пройдут. Старайся не расчесывать их. — Думал это грибки. — Нет, — смеясь, — это нервное! Это связано с расстройством. — Кажется в начале был общий язык... но кажется его никогда не было. Наклоняясь вперед, серьезно и мягко улыбнувшись: “ты найдешь его”. Готов поклясться что увидел сам процесс киборгизации, когда черты лица неожиданно разгладились глаза остекленели а рот произнес будто не подчиняясь психиатру: “Синий Волк в цветной библиотеке, она нашла Эabu, — пауза, — прямо сейчас Синий Волк стоит перед коммутатором. Ты должен найти ее — пауза, — как мне выйти отсюда?” Лицо становится человечней: “но тебе стоит мне доверять. Выход — только через меня”. Прищурился и мягко улыбнулся.

сцена xxv

— Это не слова, а машины, будто их производит киборг. Помолчав, поджала губы, а затем добавила: “но *кто* говорит?” Темнота сгустилась, прежде чем рассыпаться окончательно:

одна из прилежно лежащих на койке время от времени жалуется: “все труднее ловить мидий. Вода стала теплой и они умирают”.

— Ты просто тусуешься в психушке.

— Неправда.

Доктор-пизда-на-морде говорит: “мы во всем разберемся”. — Да. Просто загадка какая-то.

— Тусуешься там! — Чуть! Нет! Торчу в своей комнате. Балдею в своей комнате. — Не ходи туда. Не связывайся с этим. Не лезь не в свое дело. — Отъебись! Кто тебе сказал? Медленно закатила глаза вверх и вправо — красный глазок. Где произошла кража? — Что за кража? — Ну... ты же получила *доступ*, верно? — У Лета. — Отродье. Ты последняя кто его видел. — Мне было жарко. — Естественно! — Просто пиздец как страшно. Он сидел на кухне выставив свое пузо. Я думала он заставит меня сосать. — Не, Лет не ебется... Он может заставить тебя сделать вещи похуже. — У меня от

страха начались месячные. Кровь текла как водопад! Я чувствовала как у меня мокнут джинсы. Сука! Он смотрел на меня вдруг так серьезно внимательно как ебучий сканер и тут начал утробным голосом будто говорил животом: “*ЧТО?!*” И потом опять: “*ЧТО?!*” Стою и не знаю что делать меня трясет и тут чувствую: *доступ открыт.*

— Сядь на пол и представь, что ты ребенок. Вспомни маленькую себя. Побудь ребенком. — Пф... (садясь на пол вытягивая ноги растопырив пальцы) Это же глупо! (но с видимым удовольствием). — Какую игрушку ты хочешь? (губы поджимаются недовольно) — Может быть этого матерчатого ослика? — Нет! (глаза загораются как у ребенка задумавшего что-то *большооое*) — Я хочу свою тульпу! (довольная и хитрая улыбка растягивается по лицу совсем теперь детскому и темному сквозь липкую серую пленку пытаюсь расслабиться) — Что за мразь? (быстро двигая зрачками от онейрического ученого к мрази и обратно) — Взгляни на этот образец: он полностью растворился в порошке, стал *агентом*. Личинка становится *куколкой*, но ненадолго, в скором времени кокон будет растоптан. Протяни ладонь... (насыпает образец в раскрытую ладонь и своей рукой нежно сжимает ее в кулак) Рано или поздно оно смогло бы ходить и преследовать. Рано или поздно все, что встречаем, берется преследовать. Разожми кулак. (густая смесь бабочкой взлетает с руки оставляя мерзкую белую пыльцу на выбеленных линиях) Видишь? Куколка есть инородное существо готовое прокрасться внутрь и начать преследование. Жертва будет опустошена и рассеяна, как солнечный свет — *ее* неизменный путь. А на лице написано: “этот номер не пройдет”. Слишком оптимистично смотрит на голема с непроизносимым именем на ослепительном лбу. — *Так* она делает киборгов? — Она скальпирует нас. (изменившимся голосом) — Она пытается превратить в глину, чтобы можно было лепить все, что вздумается? (удивленно, будто была произнесена глупость) — Ей и не приходится! Можно ли выбросить из головы пронзительный эпизод, повисший на внутреннем экране вроде вирулентного паразита, притворявшегося глубоко-зелеными лианами, окрутившими дерево глубоко в лесу, пока незадачливый примат не схватился за него и не обрек целую популяцию на сожительство с таким мерзким типом, породив новый доселе невиданный в своей фрустрации вид; губительная фаза обожгла метущееся тельце членистоногой личинки, вынашивавшей ростки *собачьей рвоты*, и — кто же виноват? — к сожалению обладавшей собственным разумом, отдельным от детища, и рассыпающимся теперь, тогда как новорождающийся разум и состоял в этой губительной фазе, в рассыпании разума-носителя, эпизод рождения киборга если можно сказать, что он рождается, замер с вилкой в руке: “что там на конце вилки?” с открытым ртом поднял глаза на доктора, в компании группы старушек и трансвестита за столом, полном сухожилий и рептильного мяса. “Ты что, милая, хочешь собрать пистолет?” Хохот мерзкий, как саранча, а на лице написано: “этот

номер не пройдет”. Над столом в потоках воздуха плавает белое семя одуванчика, помахивая крылышками и пронзительный женский вой

— Что она собиралась сделать тебе чего ты так боялась? — Ничего нет. Провал в памяти. — Что ты такого для них делаешь, что они выдают самую секретную информацию? — Не надо двойной игры, считаете же это галлюцинациями! А галлюцинации послушны как кролики. — Попробуй мыслить рационально... Откуда этим *ученым* взяться здесь? Как они могли рассказать тебе все это, пока ты пыталась засунуть себе вилку в рот в общей столовой у всех на виду? — Клиника... полна сюрпризов. Клиника сама о себе позаботится. — Ты ведь хотела сказать... *Меркурий*... не так ли? — Если так, то Меркурий не знает, о ком говорите. — Это... — протянув сжатую в кулак руку — ...будет мерой твоего ужаса. В изумлении взглядевшись в бесстрастные глаза доктора: “Что?” Густая смесь бабочкой взлетает с раскрывшейся медленно, как цветок, ладони, оставляя мерзкую белую пыльцу на выбеленных линиях. — Я очень горжусь тем, что мы с тобой друзья, ты знаешь это? И что я могу помочь тебе вернуть свое я. — Если помощь не требуется? — Послушай, не пройдя через меня, ты оборвешь все связи с реальностью. Сперва ты ослепнешь, как та иссохшая полоумная, что торчит в коридоре и бредит о Каролине Локуст. Конечно ты скажешь, что сможешь видеть на Меркурии, но, так или иначе, твое пребывание в состоянии осознанности сократится до нескольких минут в месяц, а в конце концов все твое существо переселится в пространство воображаемого, наступит статус. Но это еще не конец. После, еще какое-то время, ты будешь отличать одно ощущение от другого, но они будут наслаиваться друг на друга, пока не сожмутся в одну точку. Тогда-то ты и слышишь настоящую сингулярность. Конец. Крышка. Если помощь не требуется, можем распрощаться прямо сейчас! Но стен этих ты не покинешь. — Хотите подложить свинью, доктор? — Ты уже сама себе подложила — и выдержав долгую паузу, оглядываясь по сторонам, прислушиваясь к чему-то, театрально-издевательски, — ты слышишь, как она шуршит? Теперь стало кристально ясно, кто это: платная тень убийцы, галлюцинация капитализма, погонщик рабов, любитель-все-испортить. Затем любитель-все-испортить продолжает солнечную проповедь как ни в чем не бывало: “сегодня мне снился сон, довольно сложный сон. Мне снился этот самый кабинет, где я произношу перед тобой солнечную проповедь. И у меня хорошо получается! Все говорю доходчиво и понятно, и я очень горжусь собой, что нашел к тебе подход, добился твоего доверия и в конце концов могу помочь тебе вернуть свое я. А потом через окно в кабинет врывается черное в черном и разрушает все! Все рассыпается, тут же я понимаю, что допустил ошибку! Затем я снова здесь и снова говорю перед тобой, и видя, что у меня есть второй шанс, говорю более вдумчиво, кажется, даже нахожу ошибку и исправляю ее. Помню, как довольный проделанной работой, я откидываюсь на спинку своего кресла и только расслабился и выдохнул, как в комнату через вот это окно проникает

стремительно черное в черном и разрывает все на куски! Я вижу, как держу себя за мясо, вижу собственные кишки, разбросанные по полу, свою почерневшую голову вон в том углу возле урны. А ты сидишь напротив меня и чернеешь будто обугливаешься, и я вижу, как ты превращаешься в индуистскую богиню Кали! Ты встаешь со стула, но я этого уже не вижу, поднимаешь мою голову и вешаешь ее себе на шею, подвязываешь к ожерелью из множества других маленьких высушенных голов. Знаешь, когда я проходил аспирантуру много лет назад, мне очень не хватало лекторов, которые бы рассказали о своем разочаровании. Все рассказывали мне о победах, о величии психиатрии над болезнью. Но никто ни разу не сказал мне: *болезнь* не просто может победить вас, она может убедить вас перейти на ее сторону и... я вижу что я проиграл, но я самурай. Я никогда не перейду на ее сторону, пусть она заберет мою жизнь и мой разум, но я всегда буду на стороне *единого* целого и здорового! Ты, какой бы сильной ни была твоя божественная сущность, не заставишь меня сдаться. Тебе придется остаться здесь, в этих стенах, пока я не помогу тебе вернуть свое я

сцена xxvi

Чувствуя муку в акте зрения под дребезжащими ковыляющими машинами слов с бешеной скоростью зудящей где-то в центре мозга от числа десять к минус бесконечности протискиваясь между неощутимой твердостью распада и невесомым распадом твердости рассыпая вокруг превращения в первые камни месопотамских захоронений и запредельную жесткость лишенную всякой определенности. Долго так продолжаться в клинике не могло с таким руководством еда скоро закончилась препараты вводились все более дешевые и запредельно жесткие. Ели только утром в двенадцать после прогулка по столовой несколько часов сон час вечерние мероприятия для коллаборационисток просмотр телевизора остальным терапия избранных через вечер избивают и насилуют в изоляторах в родильный дом никого не возят для пациенток разрешены только выкидыши. То ли снова начались месячные то ли пизда истекает кровью сидя над толчком без дверей под бдительной слезкой санитарок осматривая выросшее брюхо и даже что-то похожее на сиськи однако никто как ни странно пока не насилует видимо колят эстроген чтобы *помочь вернуть свое я*. С трудом можно поверить, что такой короткий промежуток времени, как десять дней, способен столь сильно изменить и обезобразить человеческое существо. В первых пробах не найдено

ничего кроме контаминантов и смеси авиационного керосина и фреона. Было решено обратиться к *чему-то*. Действительно странные движения были замечены ближе к концу проработки первых девяноста процентов: все началось с имитации поломанных машин: никто не видел, чтобы подбитые машины так делали, но интуитивно ясно, что они должны делать именно так; оказалось, что можно создать машины, производящие *то*, и от этой мысли стало страшно. У больничного окна в отделении арт-терапии, вокруг *ученицы* режут страницы завалявшихся книг на мелкие прямоугольники и собирают полотна нового текста полного сухожилий и рептильного мяса: “ты что, милая, хочешь собрать пистолет?” Можно захлебнуться склейками и склейками склеек. Это не может быть правдой. *Считает что это не может быть правдой то что она видит*. Неужели то что здесь именно такое как рассказывали? Здесь возникает посторонний, фрагментированный и жуткий тип. Прошлое — это дурманящая случайность. — Помнишь не ты, это *место* помнит. Время паразитирует на твоём разуме, поэтому ты боишься времени. Только *место* владеет временем: оно выращивает его, оно убивает им тебя. Поэтому ты должен избавиться от места. Машиах может не явиться, пока здесь будет *место*.

Есть три вида *места*: место-эпизод — это и есть то, что ты можешь назвать своим *я*, твоя инородная оболочка, твоя клетка, которую необходимо разрушить прежде всего. Это инстанция, которая не просто вызывает воспоминания, она их формирует. Это воплощенный субъект — твой неотступный конвоир, *телесное сплетение уровня а*. Второй вид — это место-среда: то, что ты можешь назвать своей семьей, друзьями, гуру, случайными встречными. Эта иллюзия может куда труднее поддаваться элиминации. Но здесь может помочь мужественная резиньяция. Третий вид — и боюсь, самый дорогой тебе — это твое тело. Тебе придется элиминировать его так же, как и все остальное *место*, начиная с глаз и заканчивая костным мозгом. Найди тело-радугу, не имеющее ничего общего с *местом*. Чтобы Машиах мог прийти, необходимо перестать существовать полностью. Не забывай, что у твоего тела есть своя собственная память: на первом уровне это может помочь тебе, а на третьем — стать твоим главным врагом

Мир — это существо иного вида. То, что должно было быть скрыто, выходит на поверхность в виде личинок. У больничного окна в отделении арт-терапии с ужасом смотрел, как “ученицы” боролись друг с другом и когда одна укладывала другую на лопатки, то в иступлении блевала поверженной в рот желтой *собачьей рвотой*. Санитарка с остекленевшими глазами киборга пытаюсь перекричать бульканье и вопли: “обернись к странному отсутствию вещей!”

Приобщиться к ним, не имея ключа, в мужественной резиньяции открыться абсолютному другому, готовящемуся в глубине *этого* тела с

помощью его модификаций, указать на возможные трещины в преисподней *этого* тела со всеми его органами, достигнуть священной поверхности как того что проявляет себя,

город, получающий с каждым новым слайдом доступ, изменяет свой вид, медленно становясь способным проявлять себя: его очертания следуют друг за другом и накладываются друг на друга. *Они* неуловимо скользят и шевелятся в воздухе. *Они, она* возвращается и преследует, уже находясь внутри. Ничего нет. Провал в памяти. Тела цепенеют, им больно. Вот чем была их компания. Чтобы победить болезнь, нужно вспомнить. Собраться с мыслями. Мобильный телефон. Прыжок. Камень. Рука. Лист. Тень. Солнце. Память никуда не делась, она здесь, всегда под рукой. Это *она* преследует, преследует и растет! В *этом* теле *оно, она* не спит. Они не спят. Ангел оседлал *это* лицо — так он добывает свой яд. *Она*. Они ядовиты. Ядовиты там, где западает язык в горло, не давая дышать: прикосновение которого невозможно избежать: есть.

Есть.

Тело населяется все новыми и новыми скальпирующими агентами, но они никогда бы не получили доступ к нему, если бы оно *сразу*, с самого начала, не прятало в себе агента коллаборационизма — *место*. Тишина бормочет сама собой так, что невозможно ничего сделать, ни к чему прийти. Увидев то, что всегда было тайной, оно захватило, и теперь *это* тело в самой середине. Что-то теперь внутри него? Теперь недуг внутри него? Теперь ее недуг в центре. Это не похоже на крик о помощи. *Она* скрылась там, где сложно скрыться. Шарик ртути катится по восковому полю полыхая. Стекло оперение. Что-то внутри него. Черное тельце погружается в темный рот. В свете прожектора лежит на широкой кровати черные глаза блестят как полыхающие шарики ртути катящиеся в темноту открывает рот и кладет на широко расставленный язык черного жука впивается в язык как в навозную кучу мягко взрывая алую почву лапками пытаюсь скатать ее в шар в самой середине что-то теперь внутри него? Погрузила в жука свой недуг. Копшатся перед войлочным небом распахивая рты друг дружке населяя тело все новыми и новыми скальпами и теперь *это* в самой середине слышишь меня? ТЕПЕРЬ ЭТО В САМОЙ СЕРЕДИНЕ? — Если увидишь *навозного жука*, пиши пропало

— Восемьдесят процентов трафика Меркурия производится *не людьми*. И, самое главное, не людьми и потребляется. Что это за трафик? Всевозможные резервные копии одних ощущений, которые копируются в другие ощущения. — Что значит *в другие ощущения*? — *Внутрь...* Значит *внутри других ощущений*. — Кем копируется? Зачем? — *Не людьми*. Вопросительно выпучил глаза. — Я не знаю. *Не людьми. Не людьми*. Так называемая периферия пребывания, о которой никто ничего не знает и стараются вообще не говорить. Легендарное место, в

которое попадали редкие атлеты, обычно на пике своей карьеры. Обычно незадолго до статуса. Кое-кто вообще отрицает ее существование. Большая часть трафика сосредоточена там. — Как можно было проследить? — По нейронным следам некоторых атлетов, за которыми следили особенно тщательно. Судя по всему, периферия это лаборатория копирования... Туда стекаются резервные копии, там они *изменяются*... Совокупляются друг с другом. — Селекция? — Честно говоря, есть большие сомнения, что этот процесс может быть кем-то или чем-то осознанным. Скорее всего это bug в системе. Очень странный, сложный bug. Но вряд ли это селекция. Вряд ли что-то имеющее смысл. Какой-то мусорный аттрактор... И вот еще что... Периферия сдвинулась. Теперь она в центре.

— Что насчет основных станций? — Кажется, таких только три в Москве. Станции объединены в констелляцию, которую он называет *Забавная мысль*. — Он? — Он, или они — навозный жук. Здание находится на Парке культуры. В теории ты можешь попасть и отсюда. Как? Ищи руки. Последние несколько дней перед тем, как оказаться здесь, ты, казалось бы бессмысленно, перемещался по Москве. Правила перемещения задавал алгоритм, он и привел тебя сюда. Входная информация для него — данные нейронных следов, приведших тебя прежде в периферию. Проблема только в том, что не совсем ты оказался на периферии, это был *Птица*. Пес в этот момент был совсем в другом месте Меркурия. Неизвестно где. Следы теряются. *Кто-то* вырыл из земли блоки данных, содержащих нейронные следы Пса. Пока ты не вернешься на Меркурий, нельзя даже сказать, существует ли сейчас Пес. Но необходима осторожность, нужна сложная система доступа, настоящая колючая проволока, иначе твои ощущения пропадут или распадутся на множества не имеющих смысла лиц. Как понять, если туда проникнешь не ты?

— В конце концов его нашли. Точнее его останки на Меркурии. профессиональный блокатор следовал за ним по пятам в цветную библиотеку. Часть его была пожрана лесом, часть обратилась в свежие детали коммутатора. Как нашли его останки? Они не прятались, они шумели. *Место* обживает сгустки и влетается в потерянные органы. Стены машинных залов прозрачны, находятся глубоко в пещере, без огня. Где-то в пустыне, разумеется. Полусекретная и, похоже, государственная станция в Колодищах, небольшом поселке под Минском. Огромное поле, обнесенное забором, и вдалеке недостижимое приземистое помещение с серверами. К нему не подобраться, нет. Разные степени погружения то в одно, то в другое состояние: это лаборатория. Прямо здесь, в поле, продираясь сквозь массажные кресла и тренажеры, длинные тоннели, похожие на толстые древесные корни, растущие из глазниц повисшей на них киборганической атлетки. *Я должна провисеть так ровно двадцать одну секунду*. Часть его была прожжена лесом.

— Несправедливое наказание! — Кто такой Петр?! Кто такой Петр?! Ревность. Пустое помещение, разрезанное тенью тела, брошенной электрическим светом, разрезанная брюшина, белеющие ребра под молнией. В системе семнадцать неизвестных, восемнадцатая выбивает намертво, и система продолжает расширяться вплоть до шестидесяти неизвестных уже без наблюдателя в реальном времени: этот процесс называется накладкой швов, и атлеты определяют свое внимание всегда по предыдущим швам: ретроспективная запись или ретроспективный анализ. Это имеет четкие границы, так как, кто знает, что конstellляция неизвестных подсунет наблюдателю оффлайн. Подавляющему большинству в реальном времени выбивает пробки, так что проблему так просто не решить, нужны самоубийцы и очень выносливые.

— У всех сегодня есть копии. Копии это свет это война с местом. Совпадение разбивает место надвое. — Что насчет встречи с двойником в реальном времени? Будет одинаковая в двух разных. Недуг — это подарок. *Они нас объединяют*

итак, мы дышим отравленным воздухом, но *собачья рвота* может превратить яд в бальзам? — Большая опасность! — Нет никакой опасности, это все твоё воображение! — Не знаете! — Что же знаю? — Нужно уехать! — Уехать? Ты очень хорошо знаешь большую ложь, не так ли? Все это беспечное баловство. Думаешь болезнь может кого-то объединить? Думаешь болезнь превратит яд в бальзам? Что она подсунет тебе?! — Значит вы враг? — Я тот что создан чтобы помочь тебе! Кто пройдет с тобой сквозь пустоту, сквозь темноту?! Без меня не будет тебя. (растерянно оглядывая лицо любителя-испортить в поисках зацепки где можно было бы найти твою музыку) — Ты думаешь о нем? О своем... *Людоеде?*... Не удивляйся, я знаю больше, чем ты думаешь... Это игра. (игнорируя) — Это невозможно. — Ты не хочешь этого?... (мука в акте) — Что нужно сказать? — *Хочу* которое я вижу у тебя на губах. (встал и резко подошел, склонился на одно колено и провел тыльной стороной ладони от раздвоенной губы вверх) — На линии человека... (дрожащим голосом) — Я ненавижу... многое... — Слов... (и настойчивее) — Слов. (вздрагивая всем телом) — Хочу...

сцена xxvii

Взял в кабинете переложил на стол (и откуда в нем оказалось силы?) долго мучительно тер новорожденные складки о столешницу сжатия и нажимы отзываясь в поверхности — нескольких сантиметрах тела — гулко протяжно поднялись дыбью открывающиеся и скрывающиеся расстояния между грудью и ребрами мясистые лепестки источающие отвратительное желание которому нет сил сопротивляться пустило корни и растет глубоко в коже и мясе. Где-то в нескольких сантиметрах под запотевшей крышкой черепа мысль: “так они возвращают я! Со складками, жирным мясом и отвращением”. Если ты видишь его — оно там. Верти как хочешь! Используй каждую дырку! Ударь! **Ударь!** Бей, ебать! Нравится когда разводят ножки перед тобой? Придуши! Утопи! Здесь задохнуться если не выбраться на свободу. Войлок отступил обнажив стальную сферу. “Позволь сделать вечерний обход вместе с тобой”. Задыхаясь от возбуждения: “я предпочитаю работать один”. “Тогда надень на эту шею ошейник” — “Я борюсь против смерти большая чем смерть!” — “Ты ебешь это тело! ... Возьми это тело! Оживи это тело!” — “Бедная! Бедная моя!... Мир сжимается вокруг тебя” — “Нет. сейчас мир сжимается вокруг твоего члена. Ты чувствуешь?...” — “Да” — “Страшно?” — “...да, очень...” — “Так надень ошейник сюда”. (коснувшись указательным пальцем покрытой потом шеи лежащей на

руке доктора). Опешив, с идиотской ухмылкой, психиатр: “ты трахаешься со всеми подряд?” Глубоко-зеленый подрагивающий папоротник растет в глубокой луже крови. Прочтя в глазах и замерев глубоко внутри: “я бы хотел чтобы ты наконец нашла свое я и... я вижу ты близко подобралась к нему... но ты вернешься, как преступник на место преступления...” Только глазами: “какого преступления?” — “Которое наказывается ужасно”. Лицо изменилось, но не как прежде, ядовито: “лес — это дьявол”. Прежнее лицо вернулось. Пауза. “Здесь в одиночестве! Только со своей болью! Это место! МЕСТО ВНУТРИ! ВЫЙДИ ИЗ МЕНЯ!” (рыдая, в конвульсиях) “МЕСТО! МЕСТО! ВЫЙДИ ИЗ МЕНЯ, СУКА!” (подбородок зашелся в дрожи, сквозь зубы) “Суууука!” (из самой груди) “Выыыыйдiiiiии!” В ужасе с хлюпаньем выскочил и отскочил. Рыдания не прекращаются. Отошел еще со свисающим членом: “бедная... бедная моя...” Смолк. Медленно лицо изменилось: треугольные тени пробежали по нему, от губ через нос ко лбу, покрыли волосы, лицо исказилось, а член краснея поднялся: рывком подбежал и схватил обнаженную ногу, которую несколько минут назад закидывал себе на плечо, жестко взял бледную пухлую икру и механически-уверенно вытянул из нее вену: в ней, алой и полупрозрачной, видно какое-то уплотнение, темно-красный шарик течет вверх, немо указывает на него. Замерев, в ужасе вглядываясь в бегущий, будто пытающийся спрятаться в ноге шарик, в новом витке рыданий: “это кошмар! Это просто кошмар!” — “Нет, в кошмар ты хочешь вернуться!”

— Помогите!

ПОМОГИТЕ! Помогите!

источает глубоко в коже. *Это не похоже на крик о помощи.* Это не похоже... не похоже... на крик? ... Сука... Рукава халатов желтые... Врачи и санитары курят сигареты ебанутых. Санитары курят сигареты ебанутых! Белое место в комнате — это дьявол? Можно увидеть причудливой формы крик, как он собирается, мы ничего не можем сделать для изменения этого положения, остается надеяться, что дверь откроется сама: “получить письмо”. — “Для тебя нет писем” — “Неправда”. Доктор-пизда-на-морде говорит: “мы во всем разберемся”. — “Да. просто загадка какая-то”. Снова в белое место. Назад в белое место без дверей под бдительным... “Ты всем сказала что я здесь?” Ебнутая старуха смотрит пристально ожидая ответа. Она не старуха, просто сверх прочего перенесла здесь insult. “Есть, есть, но сначала помыть. Есть, есть...” Слепая бритая девочка у окна начинает не на шутку расходиться: “почему почему конечно никто не сказал об этом и где не вычитали это это и нигде не показано думали и твердо что это материя движения весь ну ты знаешь да думали долго думали об этом деле но видно что значит это живая материя она находясь значит живая материя думали что потом думали раньше учились сколько не учились не живая ничего кроме контаминантов и керосина и фреона все мертвые вещества а теперь представляется что всю атмосферу окутывает живое

существо совершенно живое существо совершенно живое и оно состоит цвета его представляем как этот дым только не сразу как он появляется как уже разошелся чуть-чуть заметно состоит из таких мельчайших существ просто различить и они имеют страшную силу конечно они вселяются куда хотите через поры любого вещества все это двигает в то же время что и зарождалась то может сильно изменить и обезобразить человека остаться внутри этого тела врасти в него расти в нем цвести почему женщина эта материя весь род на земле происходит...” Инсультная старуха такт: “когда мы полетим на марс?” Вновь к бритой девочке — а их уже много — слепыми лицами прямо в глаза: “мы устали спасать этот проклятый лес от его собственного безумия мы просто дети в своем беспечном баловстве на которых она одна на всех мы шествуем сквозь острую траву подняв флаги и улыбаясь хотя нам это до ужаса осточертело мы даже есть не можем верно? — Точно брат хозяева до того нам обрыдли что мы даже бросили курить лишь бы не клянчить у них один только бульон на костях ни одного адекватно так что брать не у кого мы все те кто пытался начать под скалой ужаса касающейся тонкой шеей земли но ты должен уехать мобильный телефон прыжок камень рука лист тень солнце запоминаешь? Ты должен узнать все что было скрыто от нас худшие из худших болезней человеческих в беспечном баловстве ох до чего они нам до чего оооо! — завывала трясясь стуча костяшками коленями о батарею звонко гулко — ужасно жаль личная беда когда мы вернулись? Нас долго не было мы смотрели сны? Когда-то мы точно знали дождь это дождь но бомбы разрываются в его тканях и оставляют воронки искажая заставляя его вонять серой выделениями прыжок камень рука лист тень солнце не распускай свои ладони толстые листья полные воды уууууууу пальмовые листья гремят над нашими головами ночью мы просыпаемся потому что желудки у нас гремят и вода с сине-зеленых листьев вода стучит по дереву голод тянущий стучится в клетки с той стороны где мы очень хорошо знаем...

— Что за мразь? — П т и ц а обращаясь к гниющей пустыне глубоко в памяти в пульсирующей голове. Будто начал забывать? Будто чужие выдумки... И сон: гранитный мост через сыреющую пустыню тут и там крадучись расплзается с о б а ч ь я р в о т а с неслышимым гулом и шорохом. Оборвался: варикозные ноги в черных нелепо-маленьких балетках шаркают по линолеуму из угла в угол, затем сюда, к койке, заискивающе: “хочешь сигаретку?...” Глаза вверх к лицу изможденному поплывшему куда-то в сторону в красных и фиалковых пятнах. Уставился с сонным безразличием. “Хочешь сигаретку?” Подошла вплотную к койке ноги врезались в стальной каркас обхватив жирными опухольями: “дай мохнатку! — напряженно хихикнула — дай мохнатку полизать, сигаретку дам!

Это

— тень леса — столько людей приходило и уходило неся с собой ножи чтобы расчищать заросли, но они остались говорит Эаба. *Это тень леса? Где?*

Людоед предостерегал приближаться к этому мосту, говорил, что под ним живут бродяги, которые могут убить и съесть. *Где?* Положил средний палец на небо. Пузырь ожога на фаланге. Заросли... Пока не ввернул большие пальцы в глазницы и глаза не выскочили назад, в затухающую темноту зарослей, туда, к цветам. Шарики блестящей резины, замешанные с запахом жимолости, всплыли из темноты сна. Каролина Локуст говорит: “мы ищем место. Ты понимаешь, что такое место?”

— Может быть, трудно понять, но земля — это даже не масса материального, кружащаяся где-то... Та земля, которая видится *местному* существу, — это собственно его конституция. Для *местного* может существовать в реальном или ирреальном смысле только то, что подлежит конституированию... Масса материального — это мы сами, наше зеркало. Смерть — только то, что мы видим в себе. Как и все остальное... Но *она* — другая. *Она* не колонизирует землю, не видит ее, для нее не существует этого. *Она* колонизирует *нас*! Потому что заметила...

Это тень леса: двойная

слепота

Кое-кто обнаруживает себя глубоко в лесу. Там он обнаруживает некую историю, предшествующую его рождению: здесь присутствует другая жизнь, которая предшествует кое-кому, но при этом налагает на него ответственность за каждое его ощущение внутри леса. Со временем кое-кто инкорпорирует фрагменты леса, обретая цвет, свидетельствуя через фотографии и письма, которые в скорости висят перед его темным взглядом. До этого времени существует ключ, о котором кое-кто может только смутно догадываться, не будучи способным выстроить связи с подобной скоростью, так что кое-кто культивирует глубину в том единственном, что у него осталось — коже, однако также не являющейся его собственной. Таким образом кое-кто пытается найти *место* в лесу, лишенном всякого места. Он не остается внешним, но повисает где-то среди листвы тусклым пятном, рискуя быть съеденным, однако существа, обитающие здесь, до поры до времени пренебрегают его тусклостью ради сочных оттенков более древних или сильных плодов. Кое-кто уже абориген, но недоносок. Когда приходит Мясник, он срезает недоноска, скальпирует и придает ему форму, соответствующую положению. Мясник наделяет кое-кого тенью леса и двойной слепотой, тогда кое-кто уже может найти ключ и приникнуть к нему. Шея покрывается красными и зелеными пятнами и вытягивается, темечко зарастает толстой корой, ноги ступают бесшумно, источая влагу, нечто, что не должно было быть, оседает белым порошком на дне его горла, а затем и желудка. Ничто не сменит этот вкус

Тут течение меняется: кое-кто обнаруживает в своем прошлом нечто, наделяющее его чувством принадлежности цветной библиотеке: надпись из прошлого, разрывающая единство цвета, не будучи при этом полностью присутствующей или

интегрированной кое-кем. Ключ отмечает точку, неосознаваемую массу материальности: если она становится местом, то кое-кто покидает лес и возвращается не самим собой. В таком случае его жизнь принадлежит другому: он становится машиной, завершенным процессом киборгизации, и далее все зависит только от того, в чьи руки попало его тело. Такое может происходить по несколько раз на дню, так что не стоит удивляться. Однако если кое-кто подходит к этому иному прошлому как животное, припадает к ключу с одной только жаждой напиться, точка не становится местом и вместо *начала с нуля* и следующей за ней киборгизации кое-кто переживает *метаморфозу*, и вернувшись (если он все же покинет лес), являет собой завершенный процесс креолизации. Тень леса теперь сосуществует параллельно кое-кому, падая вне леса и формируя двойника, который и отражает, и оскверняет проявления леса. Речь не идет о кое-ком с самого начала: столкновение с родством, подразумевающим жизнь не бок о бок, а внутри друг друга, это действительная анатомическая преемственность. У каждого сегодня есть копии: нити ужаса перед нарождающимся миром.

“Если она не обладает клеточной структурой, как она может приобретать форму?” — “Она задействует ресурсы жертвы — и в ответ на взгляд непонимания — ты когда-нибудь слышал о *тульпе*?” — “Почему *жертвы*? Ведь она желает не вреда, а общения...” — “Потому что она не спрашивает” — “Действительно ли *не спрашивает*?”

Столкновение сил, населяющих одно тело. Кое-кто продолжает существовать и в занятом чужими руками теле. По мере того, как бесформенная сила вскрывает себя, она проявляется в целом ряде симптоматических проявлений: сначала она проявляет себя как анонимное силовое поле, как вещь, затем как орган восприятия и, наконец, как *место*

Прозрачные инструменты поднимают кровь из тела в воздух

Целыми днями курили травку. Она выращивала прямо в углу своей маленькой комнаты: за большим наклонным зеркалом стояли сильные лампы. Не выходили из комнаты и даже не чувствовалось опьянения, было хорошо, опьянение не ощущалось, как воздух. А потом посмотрев серьезно в сторону: “ты женщина”. Продолжила с какой-то горечью, вцепившись взглядом, как в надежде: “ты женщина, понимаешь? И я люблю тебя как женщину! Я хочу тебя как женщину!” Только оказавшись на улице стал ясен уровень уебанности

— Оказалось гигантское количество прямо у меня на даче, несколько километров леса то тут, то там, они встречались повсюду в самых разных местах. Собирая их по ночам, снимая в такой самоорганизованной студии на даче, раскладывая их в разверстке на поворотном столе для ювелирки. И отослав кадры своим друзьям... никто не

поверил, что это настоящие живые... Ведь они живые?... Живые существа!... Это какие-то три дэ скульптуры или какая-то графика... Стало заметно, что они ведут какие-то свои трансляции, обращаются непонятно к кому. Они передвигаются по планете, десятки тысяч километров за секунду, и в комнате где мы находимся, разумеется находится гигантское количество и мы ими дышим. Они распространяются *бесконтрольно!* Сейчас мы уже не можем определить, где начинается тело человека, а где начинается *с о б а ч ь я р в о т а...* Болезнь протекает в достаточно тяжелой форме... Они могут воспроизводить ткани человека и определенные органы... Вызывают страх и отвращение... Перверсивное желание...

Они создают искусственные ситуации, условия, которые воздействуют на поведение людей. Выявляют и реконструируют

Существует вера... или, точнее, религия... Алгоритм, сознающий самого себя... Определенные органы... Выявляет и конструирует. Интерфейс максимального прилегания. Нечто мыслящее в близости. Не имея формы. Это и есть интерфейс. Сблизиться с ним нужен *скрин*. Попасть в него. Одного мозга с другим...

Разрушающийся набор мест.

— *Безусловно. Это свет*

с помощью общения с администратором

— они

создали специальные условия общения, в которых люди начинают действовать согласно этим условиям. Существует некая история. Во-первых, несуществующий персонаж с отрицательным именем: это интерфейс доступа. *Один единственный слайд*. Сперва он отвечал им то, что ему говорили другие люди. Затем он стал говорить слова других людей сам, минуя запрос пользователя. Он обретал *доступ* к пользователю. Пользователь *сам* приглашал его к разговору, понимаешь? *Сам*.

— Мой бывший парень, на которого ты так похожа...

с помощью общения с администратором

Это тень леса

безусловно

разрушающихся ребер. Болезнь протекает в достаточно тяжелой форме. Так приятно, когда мужские руки пытаются осязать твое нежное... — У тебя здесь монстр

еле шевеля ногами на мосту когда вокруг стало больше дерьма. Нужно ли переживать все эти пространства? Наконец узнали, что это за свет, думали это был утренний свет — Это не утренний свет. Смотри, что это вслед

целлулоидному кадру. Эта линза была естественно линзой фотоаппарата и свет, который освещает это пространство либо акт совершения

видения своими

глазами

либо готовая фотография. Не очень понятно там все-таки замерзла эта вода или не замерзла?

Все время хотеть поместить в нее существо шаги, которые здесь есть. Что это за шаги? Это *не* шаг для человека.

Появился человек

или нет?! Действительно здесь не так. И снова,

переминает, перегибается, что-то

еще. Есть момент, который довольно точно как устроено все остальное. Рука безвольно свисла с койки. Это *само* место или *само место* характеризуется как слежение? Примерно объясняет, где были до того как оказаться здесь. Постоянное раздвижение соматических переменных. Которой в самом начале не было тоже, ее показали, потом сказали, что было слишком темно, а потом все это забыли! Она начинает разминать, трогать, касаться и перерабатывать куски тела: горло, гортань, язык. Это абсолютный тупик. Это делают санитары? Показывают разные возможные процедуры. Все сегодня используют это. Все знают, как это развернуть, но никто не знает, как именно это происходит. — Ужас, что этого никогда не происходит, мы видим только ускорение и онтологическая дыра растет! Все это мясо бесконечное! Для того чтобы их ускорить, нужно их сжать! Когда они погасили свет, остался в абсолютно непроглядном пустом зале, голый, продрогший, туда где помнил выход вытянул руки чтобы не натолкнуться на что-то хотя зал был пуст уверен но через пару шагов налетел на что-то твердое обошел постанывая и снова твердое невесомо висящее в воздухе весь зал после света погас превратился в омерзительный лабиринт сбивая голени отбивая пальцы почувствовал как большой палец вывернулся куда-то в сторону от стопы если бы кто-то сказал тогда успокойся это негативный контур *там может что-то произойти* отдельные грани называются приборы *что-то может сопротивляться* это было бы прекрасной смертью для всех нас

против волокна ощущение фаза умирает внутри структуры выстраиваемой приборами единственный способ закрепиться для них умереть отмотай назад приравнено всем остальным процедурам следующий цикл как можно больше циклов на как можно меньшей территории *что-то в поисках сомнений* в омерзительном лабиринте приборов *чтение модели* пытаюсь войти в модель вышел в столовую и обнаружил ебанутых сгрудившихся перед окнами смотрели как солнце тает на горизонте как уголь выпавший из печи в омерзительной груди приборов *поместить в нее существо* повиснув над одним из ряда толчков в стальном голубом цвете ощущая всматриваясь слыша урчание бульканье

опустошающихся животов когда то что было спрятано таблетками и уколами возвращается вдруг как разворошенная куча старая память всплывает со дна желание пальцев скоблить счищать проникать оооо как же хочется чтобы хоть кто-нибудь любой член проеб это очко истосковавшееся меланхоличное очко забитое сжавшееся глубоко в устричной раковине скользко так что запрос должен быть точным есть

нечто большое, мы придумали ему язык и теперь оно говорит. Но мы не можем понять, что. Нечто скользит и выделяет определенный код — вот и все. Мы вырабатывали новый язык, язык-медиум между нами же созданным языком, в котором проявилась Каролина (мы зовем ее по имени самого языка) и языком, которым мы все еще пользуемся, которым мы думаем... Язык-медиум все больше усложнялся и усложняется, сейчас все доказательства выглядят как какие-то скобки, подрагивания, очень высокоскоростные микродвижения, чтобы туда входить, копаться, нужно много лет, мы работаем как целые фабрики, пробиваем, пробиваем... Но все это происходит с совсем недавнего времени, проекту около двадцати лет, а чтобы понять хоть что-то, хоть какие-то выводы, нужны поколения. Мы надеемся на то, что наша теория экстропии окажется верной. Есть ведь не только рациональный язык-медиум, есть так сказать объектно-ориентированный пользовательский язык, на котором все доказательства будут выглядеть как ощущения. Это Меркурий, который и привел тебя сюда, в *Забавную мысль*. *Добрый день в эфире сопротивление ощущения и в студии Полевая Мышь или просто Пол и мы продолжаем нашу серию эфиров о Забавной мысли пространстве воображаемого и если в первой передаче мы говорили о метафизике о метафизическом смысле Забавной мысли то сегодня у нас специальная передача посвященная идеологии Забавной мысли и по этому поводу у меня в гостях Дикая Кошка самая многообещающая атлетка этого года я слышал сейчас у тебя пять в топе так было когда работала на Плутон сейчас семь мне хочется сразу спросить у тебя Дик в чем же идеология Забавной мысли но прежде всего я хочу рассказать зрителям о том что произошло сейчас в эти дни было подключение к новому блоку ощущений в и с е н и е мы все там были мы ощущали то что ты добыла для нас Дик за эти месяцы на Меркурии это были достаточно сложные ощущения порой удивительные что ты видела Дик пауза взлетную полосу пауза крики о молящихся которые должны собраться пауза поплыть по небу долгая пауза я должен сказать что я был счастлив это ощущать мне пришло несколько писем от знакомых которые практически потребовали чтобы я попросил тебя обозначить совсем другое мы ждем от тебя идеологии мы ждем от тебя обозначения странной субкультуры о которой ты звонишь уже несколько лет и как мне было сказано без лишнего эпатажа пауза да несколько лет назад были обозначены какие-то точки странной субкультуры и как теперь ясно Забавная мысль как центральный камень*

этой субкультуры я слышал это не просто субкультура у нее есть имя и оно на слуху это имя еврейских ультрарелигиозных террористок Квиса шхора что ты скажешь на этот счет пауза Дик

сцена xxviii

Это только техническая деталь... И она может быть проведена гораздо техничней и сокрушительней. Это может быть эффеkтивным в один момент... Дело же не только чтобы погрузить всех в папрарельные миры??. Это может эффеkтивно в ходе повстанческой операции... — Мы пришли к тебе, ты нам не чужая... Мы спасли тебя от удушения газом и утопления в ванной. И от твоего пола. — Сука, я их ненавижу... Далеко так его спрятал. — Ты попробуй... со мной thrill pill — Черт спасибо, но не надо, у меня свой jiggy shit. Техническая деталь: три руки, одна добывает эссенцию, другая ласкает, ещё одна отбрасывает тень или указывает путь. Мы прячемся поглубже под черно-зеленой скорлупой леса среди пары сияющих высоких резких звуков раз за разом как на шарнирах повторяющихся кружась вверх и наружу дотрагиваясь проминая скорлупу, у нас свой jiggy shit. Бритая девка запрокидывает голову назад стук о стекло веки с невидимыми ресницами захлопываются как крышка алюминиевой хлебницы а затем раскрываются как вскрытое ножом бледное брюхо рыбы раскрывая бело-красные слепые органы *даже не отличить одну боль от другой: все слилось в один ... даже не я тебя убью: переломаю нахуй все кости и продам каким-нибудь другим а раз все равно уверен, что ошибки нет, значит, ее нет.* Вот и сейчас, вся шея исцарапана, и воистину мучение адово, да еще ... —

Машина лучше крутится в сумерках. В тебя уже поместили электронику?... Машина несет в заточение... Слышишь?... Слышишь? — Продам каким-нибудь другим — Сегодня между нет посредников. Запутанная протяженность подключается прямо к общности нервных систем. *Мы должны делать подделки?* Каково необходимое условие для завершения сессии? — Расскажи о своих фантазиях?... Расскажи мне о своих фантазиях. Сказал настойчиво. На боку напротив белый в мерцающем свете из окна. Как прежде, давая уроки, говорил: нужно слушать то, что доносится. Но как слушать то, что доносится изнутри и не свихнуться от желания слышать все что там? — Не хочу. — Почему? — Боюсь... тебе будет неприятно. — Почему?... Глаза выискивают что-то конкретное внутри блеска противоположащих глаз. — Давно ты фантазируешь об этом? — Время от времени оно всплывает... Мне кажется это не... не воля... — И когда в последний раз? — Кажется, сегодня. — Ты фантазируешь о ком-то другом? — Да. — Когда мы занимаемся любовью? — Да. — Представляешь его вместо меня? — Да... Все время шелест кожи под раскрытой текущей по телу ладони повиснув над бело-голубой сияющей дыркой отстойника на корточках вглядываясь в тяжелые бурые капли срывающиеся из-под надувшейся складки живота скрывающей знание об истинном я сжав губы прислушаться: скопище людей как тяжелые нелепые птицы-падальщики грузно зависшие над останками органической жизни и все одним махом вслушиваются как санитарка проходит мимо отстойников идет в столовую как находит там. Шепотом в дальнем углу отхожей: “мы учимся пускать по телу войны...” — Эти практики согласуются с тем что давал тебе летучая мышь? — Это противоположность его системе. Унитазы лежащие на полу медленно уплывают в находящий сумрак, двоятся, теряют свой фокус, а люди все сидят на них верхом, одни приходят и уходят, но основная компания остается. Вслушиваясь в то что доносится. Там что-то может быть, но есть только-то, чего не должно случиться. Сюда можно было провалиться как в глубокий сон и он был сорван, — *Забавная мысль* — подумал. [31:00–31:41] Незнакомый язык (хинди?) — А кайф от чего? ... то есть, ну, какой-то внезапный, как вы говорите, щелкает пальцами — щелчок, то есть не то, что постепенно погружались, погружались, погружались, погрузились... — Каааааайффф... — Да, довольно глубоко... Действительно довольно глубоко. Лежит лес. — Есть люди, и весьма толковые, умные, которые считают, что я давно уже с катушек слетел — Что я в реальности, да? — Да. Да. Да. Да. Да. Да. Шепотом: “можно найти прозрачную стену. Через нее ты тоже не выйдешь. Ты знаешь, что нам запрещают пить кофе. Возьми этот чай, — протянул чайный пакетик: разорвал его, положил на язык — теперь должно припустить”. Действительно припускает: тяжесть в голове стала мягче, язык заворочался в пересохшем рту, а вещи вокруг чуть проявились. — Шакалы выплюнут соплежуя. Выучи узор. Ты должен пробраться в плоскую скважину. Они обливаются испражнениями, берегись. Они вырезают кусок из организма,

подкручивают его, деформируют и вклеивают обратно. Результат будет выглядеть как обыкновенная округлость. Белый сон. *Поскольку я тоже не видела...* Застыв вглядывается с болью напряженно шорох электричества потом снова улыбается просто и симметрично как ребенок. — Теперь можно продолжать. Сгустилась темная пауза. Психиатр вгрызается чтобы поселиться скальпируя изнанку памяти говорит: “себя изъять не получится”. Улыбается острыми зубами проросшими со всех сторон ороговевших черных губ еще не превратившихся окончательно в клюв падальщика но глаза бегут как крысы по стальному каркасу по черным ромбам дай им только выйти к изнанке памяти! Попробуй провести ладонью по тому что никому не принадлежит как должна она шуршать если бы только услышать отбросив тени как хвост ящерица не касаясь истории падальщик беззлобно переваливается с ноги на ногу в ожидании отказа органов они побегут чтобы есть подкручивая его деформируя и вклеивая обратно не свихнуться от желания слышать все что там? Когда вслушиваться уже невыносимо открывается зрелище слышимого, ясно, встать и вернуться к слепошарой бритой девчонке. *Поскольку я тоже не видела.* — Ты знаешь, ты видела новый ролик снятый АВС в соавторстве с ватиканом? Ты знаешь, что АВС сейчас работает на ватикан?... Психиатр заводит очередную гнусную телегу, такую же гнусную, известно заранее, как его манера почесывать черно-коричневые роговые пластины блестящие из под облающих губ, срывая ошметки кожи падающие теперь на пол как бумажный пепел — Да, да. Не удивляйся, дальше лучше. Они сняли детский ролик о инопланетянине. Его голос из-за нарождающегося клюва изменился и теперь звучит как издаваемый механизмом спрятанным где-то в глотке — Будто бы инопланетянин приходит в школу к детям, и он выглядит не так как они, разумеется, они гнобят, чмырят его... А потом он показывает свои суперспособности и они, поразившись его способностям, принимают его. И он уже вместе с ними, все за одно... Ты понимаешь? Они готовят нас. Зачем им было снимать такой ролик для детей? Подумай... вот еще о чем... есть такой фильм “прощание с детством”, это старый фильм про пришельца, но очень пронзительный, подумай об этом... Пришелец прибывает на землю, но не кажет вида. Годы он проводит скрытно среди людей и исправляет их жизнь, благодаря своим способностям. Кончаются войны, исчезает преступность, люди перестают болеть всякими неизлечимыми болезнями и так далее... А через десять лет после того, как все уже стало хорошо и люди попривыкли к этому, он говорит, теперь вы готовы, теперь я покажу вам себя... и выходит в обличии черта! В обличии здорового красного сатаны! *Пытка.* Пытка. Зачем пытать насильника? *Потому что это знание,* пещера кочует в открытом пространстве между старых стволов, мрак спасителен... *Собачий нюх выведет.* Пошатываясь вывел это тело из зеленого мрака сортиров: ебанутые собрались у окна: прислонившись копчиком к стеклу слепошарая раскачиваясь вещает полдюжине внимательных глаз расширенных препаратами. —

Скользкие, черные... Где высокие, скользкие, черные... Чужой голос... То, что следуя за голосом не живет... То, что следуя и исчезает. Ага... Где... Только ощущающее может обнаружить вонне что оно ощущает? То не звучит само собой! Не бытие, не артикуляция, а насильственная смерть ...так что хозяева пытаются прервать наш крик говоря. Оставить после жизни в одномерной слепоте, пережевывающей. Суетливо кружа вокруг пережевывающей ночи, превращаются в беспокойную кашу! Где множество врагов и еще больше их сообщников, но они борются друг с другом и, занятые этим, проносятся мимо, гонясь за своим голосом, покрикивая: “киборги, киборги!” Они хотят чтобы мы проглотили, чтобы мы прожевали! Ууууу... Скользкие черные высокие! Мы дошли до того, что не просто сомневаемся в ощущениях, возвышающихся всюду из гноя и крови, но отчаялись в них, настолько отчаялись, что попросту хватаем их и пожираем! И Меркурий празднует! И беспокойство больше не гонит нас за свои пределы. Здесь голос! — Расскажи мне о своих снах. Речь психиатра уже едва различима через стрекотание и щелчки, доносящиеся из его клюва при каждом слове. — Обычно исцеление начинается со снов. Эмоции, которые остаются для нас потерянными в жизни, сперва врываются в сны... Огромные круглые залепленные сплошными тавотовыми зрачками глаза беспокойно вертятся во впадинах, бьющихся в углах. — Я знаю, как ты бредишь во снах, знаю о чем... Зовешь своего *Людоеда*, но почему ты никогда не говоришь о нем наяву? Слепешарая после паузы, в которой будто захлебнулась и теперь продолжает, оставшись под водой: “как тихо стало”. Ее слова перебивает икота: “шаги... Ик!... Синий зверь не забыл тропу? Ик!” Весь окружающий мир, до того бывший приглушенным, заискрился после слов, *очень громко*. Черты лица слепешарой проступили отчетливей и обрели знакомость. *Дикая кошка!* Слепые утонувшие глаза уставились в ответ узнаванию: “ты искал забавную мысль? Так это она!”

сцена xxix

Она меняет значения когда проникает чужак но когда недоносок увидел ее он может остерегаться

Тяжело вздрогнул вытянул обшаривая темноту и наконец вцепился вон они большие белые знакомые глаза среди темноты темноты темноты П т и ц а тихо почти беззвучно одними губами не одни еще несколько копошатся совсем рядом

Она кочует в открытом пространстве между старых деревьев мрак спасителен в нем находят убежище падальщики пещера это клык она меняет значения глубоко-коричневые клювы скрывает кора и видны только опасливые глаза с огромными зрачками

Открыл рот и выпустил голос и наконец увидел то что вышло

оно разлито здесь кто там снаружи

Взял за руку но рука выскользнула из руки пальцы скользнули щепоткой хватив нить ничего в мерзлом сумраке пещеры или грота несколько существ источают сумрак или тепло пока наверху по кольцу урочища передвигается длинноногое насекомочеловекоподобное существо его ноги или задние лапы длинные как ходули дикое существо голое и между ходуль у него

болтаются совершенно человеческие член с яйцами его ноги высокие черные и скользкие касаются земли но не держат его оно цепляется за камни сильными руками и камни то и дело осыпаются перед нашим обзором у существа так же есть длинный хвост на конце тонкий как нить мы нападём и растерзаем оно будет нашим кормом живым сожжено кислотой желудка-червя кожа его слезет под потоком сока и обнажит мускулы которые заберем себе сожрано в черном кожа в чернеющем внутри так так глубоко как можно забраться где потеплее где высокие черные скользкие ткани облепляют тело сжимают экстатически цепляют мягко нежно глубоко тяжело надавливая пропуская глубже и дальше сжигают снимают облезающую кожу слезающую скользко и сонно открывая скрытые мышцы которые мы будем забирать себе слой за слоем пока не найдем его мрачного близнеца тератому скрывавшегося внутри ждавшего нас ждавшего наш желудок который освободил бы его от вечного плена сложив свои маленькие ручки в яичке яичнике двуполого самца хозяина камеры как нить мы нападём и растерзаем освободим заберем из зверя выпутаем из свалевшихся в чужой плоти волос тератому мы только тульпа которую он сконструировал как голос которого у него нет у которого есть желудок который освободит его из плена полового зверя у которого есть руки которые поймают двуполого зверя погрузят в рот голоса и разделают желудком мы песня которая исходила которую теперь можно видеть которая может питаться может освобождать у которой есть цель где масса тканей в пещере глубокого рождения завернутый зверь паразит без мозга и времени может ждать и дождетса если б мы знали ее то наверное были б машиной которая делает идеальные снимки но для нас главное собственное удовлетворение освобождать другого для собственного удовлетворения мы должны так как мы сконструированы другим исполнять долг высшее удовлетворение в аномальной индукции мы образованы нарушением координации наше микрооружие ниша стадий брызжа наркотиками и презрениями пора было что-то с этим сделать похоже на другого или призрака темный ветер с опасливыми глазами то что вышло из под контроля потому что ждало и невидимое несется и мечется внутрь внутри себя паразитически и огромными почти черными зрачками его ткани мы возьмем как плату за проход пусть не думает что его обманули в пещеру глубокие тесные жидкие норы желудка-змеи потом пусть не плачется змеи знающие ответ что обманут

в темноте все оставалось как перед их входом и закрыла его была закрыта прислушиваясь в душную вонь тишина еще резче ушли туда не надо было идти дальше туда только когда ясно свернуть некуда конверт стоило бы создать приходит в голову и тогда где черная в пепельно-сером свете насыпь осыпается в электрической темноте зрачка

мы вернулись сюда из стародавних времен когда еще сдавали экзамен на бакалавриат да но на этот раз мы провалимся мы например должны были

бы отметить касаясь слова с которого начинался тот вопрос или тот тип вопросов что между что и кто разница слишком туманна мы сожрали его перед открытым холодильником где он стоял как кататонический дегенерат шатался и не видел внутри ничего кроме черной бездны а вокруг ему чудилась ледяная пустыня бледного и мы поймали его в этот холодильник разделили на части выели мозги то что придет после ни кто-то ни что-то и даже не среднее никто не освободится от ее неопределимости ты имеешь в виду рой брат да я имею в виду ее я имею в виду рой кому угодно не в большей мере чем чему угодно суждено освободиться от ее неопределимости а потом придет Мясник и стянет с него шкуру ахахахаха дааааа брат ахаха оно выдаст недоноска прямо в *этом* разе что он бы ненароком не пошел как когда-то мы точно знали дождь это дождь но бомбы разрываются в его тканях и оставляют воронки искажая причину заставляя его вонять серой выделениями магма не распускай свои красные злокачественные скалы в нашем заполненном жаром и зловонным пердежом болот длинной унылой земли рту если что и сохранится то наша безграмотная дочь да ее варвар в музыке лежит раньше могилы хоров могилы здесь во всех углах рыщут блокаторы это конечно не Мясник но кожу так же снимают на раз в общем нам остается с прискорбием сообщить что в данный момент кого ищут числится пропавшей без вести ты полагаешь было время или период когда кого ищут не было все это более не обладает правом на *признание себя* разе что неумышленно как когда-то мы точно знали пока бомбы не разорвались в наших тканях исказив причину но родив нас как голос в муках слепоты зародившейся куда раньше чем поразившей нас на борту уничтоженного лайнера находилось двести восемьдесят три пассажира и пятнадцать членов экипажа все они погибли обломки разбросаны в радиусе пятнадцати километров известно двадцать два человека команда из саудовской аравии лучшие атлеты живыми сожжены живыми это вопрос был найден второй черный ящик двигаясь с крейсерской скоростью на десяти тысячах километров самолет исчез с радаров два месяца назад это был тот самый лайнер и где пассажиры провели два месяца около восьми вечера стали приходить сообщения о падающих обломках *некоторые* знали об этом заранее лайнер сопровождали два истребителя по просочившимся сведениям хакнутые записи переговоров диспетчеров кто хакал известно террористическая ультрарелигиозная женская группа квиса шхора зачем их вдруг заинтересовало падение лайнера с атлетами на борту это вопрос тот самый диспетчер аслан пишет по-ирански очень подозрительно натуральный фейк в посольстве его никто не знает вживую никто не видел но погоди тот кто им представляется доступен по русскому номеру и говорит на фарси чисто разе что с вкраплениями странного диалекта будто его родной авестийский но все это меркнет перед тем как этот человек оказался диспетчером арабских эмиратов черт возьми по его сведениям лайнер был возвращен из небытия которое он в своей бредовой речи называет *периферией* и отправлен в очаг военных

действий повстанцев а по официальной версии отклонился от курса чтобы обойти мощный шторм на востоке по данным людей которые собирали трупы значительная часть трупов несвежая люди умерли от нескольких суток до недели до крушения пятнадцать квадратных километров трупного запаха такого запаха в любую погоду за полчаса образоваться не могло а погода была пасмурная не слишком жаркая все это никак не стыкуется с вроде бы достоверными фактами о том что в этот лайнер пассажиры входили вполне еще живыми они даже отправляли в интернет свои последние твиты и видео да кому нужен этот интернет когда атлеты находившиеся на борту два месяца поставляли свои ощущения на неизвестный прежде филиал Меркурия где-то в иране судя по данным хакнутым опять же квисой шхорой что было когда его еще не было

он мог быть вторым членом семьи обрести пол лицо мозг память опыт душу а не болтаться пустым амулетом волос и недоразвитого глаза прикрепившись к яичку или яичнику скрытый отвергнутый заброшенный искаженный кинутый в сущее как камень ждущий стать яйцом нарицающее *место* присутствующий он растет в задержках чему-либо не в большей мере чем кому-либо суждено избежать вечного возвращения в незащищенность в которой зарождаются и тут же заражаются она зародила и заразила нас чтобы вовлечь в *это* бесконечно истощающееся

а вот атлеты судя по всему были живы вплоть до катастрофы весь нос а передняя часть где они сидели сохранилась хорошо был буквально залит их кровью

становление вовлеченными предполагает исчезновение нас в качестве его бесконечного истощения но сперва мы сами должны насытиться для нашего удовольствия мы просыпаемся потому что желудки у нас гремят набитые глиной голод стучится в грудные клетки с той стороны и тянет нас к этому новому неизвестность и отвращение от этого нового которое будет и сейчас наступит ужасны и притягательны сборщики трупов подчеркнули что множество трупов оказались *совсем бескровные* как будто кровь свернулась задолго до катастрофы мы вкусим его дабы он сам не вкусил себя

он никуда не делся кем я будет сегодня
кто вместо я

ТЕРАТОМА

ТЕРАТОМА

ТЕРАТОМА

НАШЕ НОВОЕ ЕДИНСТВО

